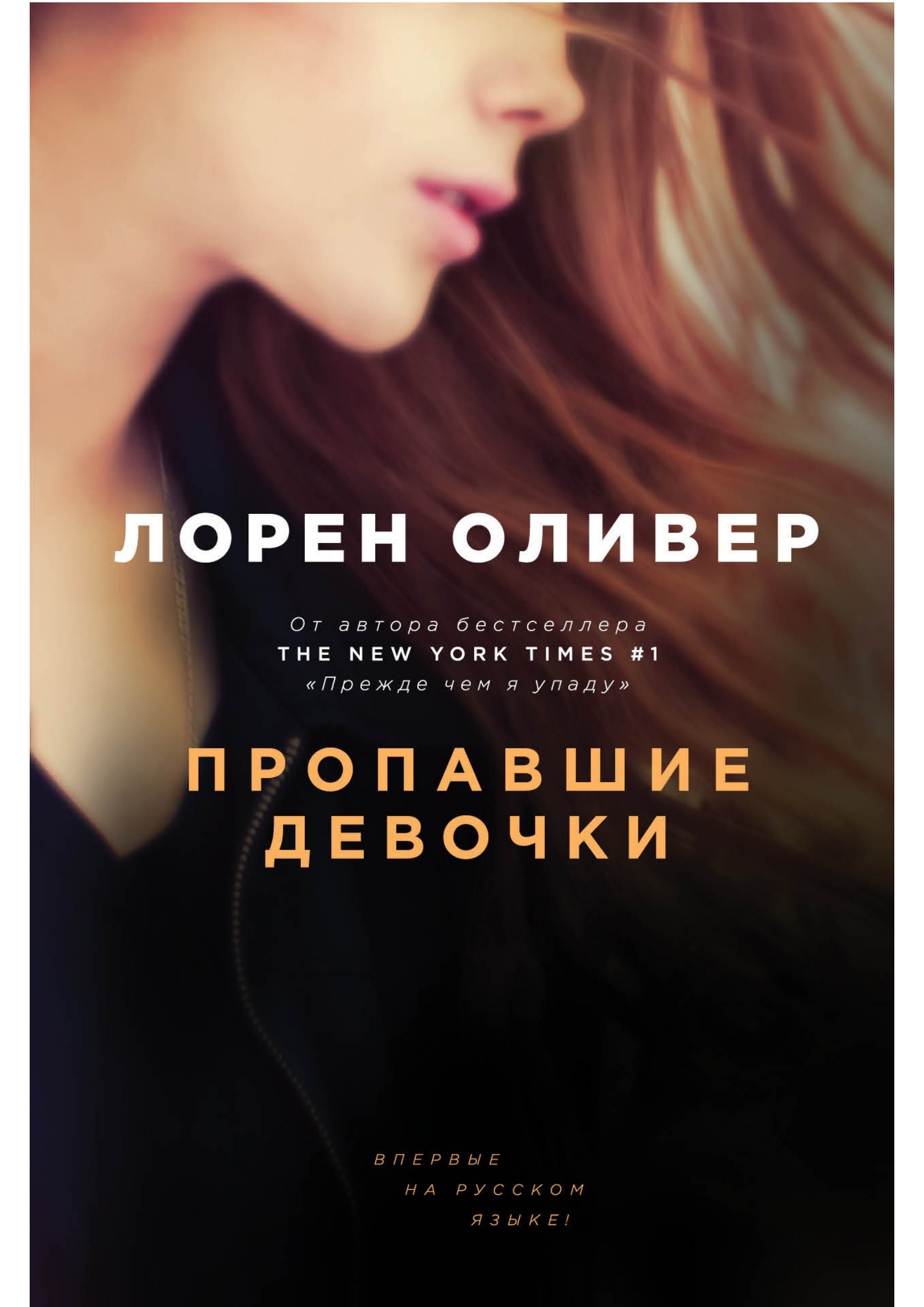

ЛОРЕН ОЛИВЕР

От автора бестселлера
THE NEW YORK TIMES #1
«Прежде чем я упаду»

**ПРОПАВШИЕ
ДЕВОЧКИ**

*В ПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!*

Новинки зарубежной мистики

Лорен Оливер

Пропавшие девочки

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Оливер Л.

Пропавшие девочки / Л. Оливер — «Эксмо», 2015 — (Новинки зарубежной мистики)

ISBN 978-5-04-090506-5

Автор бестселлеров «Делириум» Лорен Оливер представляет захватывающий рассказ о двух сестрах, жизни которых неумолимо изменились после страшной аварии. Дара и Ник раньше были неразлучны, но это было до их отчуждения — до аварии, оставившей на лице Дары шрамы. Когда Дара исчезает с празднования дня рождения, Ник думает, что сестра снова играет в свои жестокие игры. Только после пропажи другой девочки — девятилетней Мэдди — она убеждается в том, что исчезновения связаны. Теперь Ник должна погрузиться в интригующий мир потерь, подозрений и найти не только свою сестру, но и себя. Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-090506-5

© Оливер Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

До	6
После	11
До	30
После	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лорен Оливер

Пропавшие девочки

*Настоящему Джону Паркеру за его поддержку и вдохновение.
И сестрам во всем мире, включая мою собственную сестру.*

Самое смешное в том, что когда человек умирает, другие ждут от вас, что вы просто запрыгнете в поезд счастья и скоро будете бегать за полевыми бабочками или разглядывать радугу в бензиновых пятнах на асфальте. Это же Чудо, скажут они. Будто вы получили огромную коробку в подарок от бабушки, а в ней всего лишь старый вязаный свитер, и лучше бы не разочаровать бабулю своим выражением лица.

Вот и жизнь такая, как тот свитер: полна дыр, неудобная и вызывающая зуд. Подарок, которому все должны быть рады, по сути – носить каждый день, даже если вы предпочитаете проводить эти дни в постели.

Истина в следующем: нет возможности «почти умереть» или же «почти жить».

До

27 Марта, Ник

«Хочешь поиграть?»

Эти два слова я слышала чаще всего в своей жизни. «Хочешь поиграть?» — Четырехлетняя Дара, вытянув руки, выскакивает через сетчатую дверь в наш зеленый дворик, не дожидаясь моего ответа. «Хочешь поиграть?» — Шестилетняя Дара среди ночи проскальзывает в мою постель. Ее глаза широко распахнуты и чуть тронуты лунным светом, а влажные волосы пахнут клубничным шампунем. «Хочешь поиграть?» — Восемилетняя Дара бряцает звонком на своем велосипеде; десятилетняя Дара раскладывает карты на мокрых плитках перед бассейном; двенадцатилетняя Дара раскручивает за горлышко пустую бутылку из-под газировки.

Пятнадцатилетняя Дара тоже не ждет моего ответа.

– Подвинься, – говорит она, толкая коленом в бедро свою лучшую подругу Ариану. – Моя сестра хочет поиграть.

– Места нет, – отвечает та и взвизгивает, когда Дара наваливается на нее. – Прости, Ник.

Полдюжины человек теснятся в пустом стойле на конюшне родителей Арианы, где пахнет опилками и совсем немного навозом. На утопанной земле валяются полупустая бутылка водки, несколько упаковок пива и куча разной одежды: шарф, две непарные перчатки, пуховик и обтягивающий розовый свитер Дары с надписью, выложенной стразами на спине: «Королева С*ика». Все это похоже на странное ритуальное подношение богам покера в игре на раздевание.

– Не переживай, – быстро говорю я. – Я не буду играть. Просто зашла поздороваться.

Дара делает недовольное лицо:

– Ты же только что пришла!

Ариана бросает свои карты на землю лицом вниз.

– Тройка королей! – Она открывает банку пива, и пена пузырится по ее пальцам. – Мэтт, снимай кофту.

Мэтт – худощавый парень с чересчур большим носом. Судя по затуманенному взгляду, совсем скоро он будет в стельку пьян. И так как он сидит в одной черной футболке с загадочным изображением какого-то одноглазого бобра, я делаю вывод, что пуховик принадлежит ему.

– Холодно же, – ноет он.

– Либо футболку, либо штаны. Выбирай.

Мэтт вздыхает и нехотя начинает стаскивать с себя футболку, оголяя покрытую прыщами тощую спину.

– Где Паркер? – спрашиваю я, стараясь, чтобы это звучало максимально равнодушно, и тут же начинаю ненавидеть себя за эту попытку.

Но с тех пор как Дара начала... *что* бы она там с ним ни начала, стало невозможно говорить о моем бывшем лучшем друге без мерзкого царапающего ощущения в горле, словно там застрял осколок елочного шара.

Дара, которая раздает карты, замирает. Но только на секунду. Затем она бросает последнюю карту Ариане и резко взмахивает рукой:

– Без понятия.

– Я отправила ему смс, – говорю я. – Он обещал прийти.

– Да... ну, тогда, может быть, он уже *ушел*.

Дара бросает мне взгляд, смысл которого предельно ясен. *Не надо*. Что ж. Видимо, они снова поссорились. Ну, или **не** поссорились, и в этом проблема. Может, он больше не хочет продолжать эти игры.

– У Дары теперь *новый* парень, – нараспев сообщает Ариана, и Дара толкает ее локтем. – Да ладно, разве не так? *Секретный* парень.

– Заткнись! – резко обрывает ее Дара.

Я не могу понять, действительно ли она злится или только делает вид.

Ари притворно надувает губы.

– Я его знаю? Просто скажи мне, знаю ли я его.

– Еще чего, – отвечает Дара. – Никаких подсказок.

Она бросает свои карты, встает и отряхивает джинсы сзади. На ней ботинки на платформе с меховой отделкой и металлического цвета рубашка, которую я вижу впервые и которая выглядит так, будто жидкий металл вылили прямо на голое тело и оставили застывать. Ее волосы, недавно покрашенные в черный, уложены идеально прямо, словно по ее плечам струится нефть. Как обычно, я чувствую себя Страшилой рядом с Дороти. На мне мешковатая куртка, купленная мамой четыре года назад для катания на лыжах в Вермонте, а волосы – неопределенного оттенка коричневого, напоминающего мышиный помет, – собраны в хвост на затылке.

– Я схожу за выпивкой, – говорит Дара, хотя она еще не допила свое пиво. – Кому-нибудь принести?

– Принеси пару коктейлей, – отзывается Ариана.

Дара не подает вида, что услышала ее. Хватает меня за запястье и тащит из конюшни в сарай, где Ариана – или ее мама? – установила несколько раскладных столов и расставила на них миски с чипсами, солеными крендельками, гуакамоле¹ и печеньем. Из банки с соусом торчит окуроч, а в огромном тазике среди тающего льда плавают банки с пивом, словно корабли, бороздящие воды Арктики.

Кажется, здесь собрался весь класс Дары и еще половина моего – обычно выпускные классы не ходят на вечеринки к младшим, но *во втором полугодии* они не упускают ни единого шанса потусоваться. Между стойлами развешаны гирлянды, и только в трех из них стоят лошади – Мисти, Лусиана и Мистер Эд. Интересно, раздражают ли их глухое уханье басов и пьяные школьники, каждые пять секунд сующие им в морду «Читос», пытаюсь накормить с рук?

В тех стойлах, что не набиты старыми седлами, граблями для навоза и ржавым фермерским инвентарем, однажды брошенным сюда и окончательно забытым (хотя единственный урожай, который когда-либо снимала мама Арианы, – это деньги трех ее бывших мужей), одни заняты выпивкой, другие обжимаются или, как в случае Джейка Харриса и Обри О’Брайен, уже вовсю лапают друг друга. А сбруйный сарай, как мне объяснили, негласно закреплен за курильщиками травы.

Большие раздвижные двери открыты в темноту, и с улицы в амбар задувает холодный воздух. Снаружи, на манеже, кто-то пытается развести костер, но этим вечером идет легкий дождь, и дерево не горит.

По крайней мере, Арона здесь нет. Не уверена, что выдержала бы встречу с ним сегодня – после того, что случилось в прошлые выходные. Лучше бы он разозлился на меня, лучше бы он бесился и орал или пустил по школе слух, что у меня хламидии или что-то вроде этого. Тогда я могла бы его ненавидеть. Тогда во всем этом появился бы хоть какой-то *смысл*.

¹ Гуакамоле – блюдо мексиканской кухни из пюре авокадо, имеющее консистенцию густого соуса (*прим. пер.*).

Но после нашего разрыва он был показательно, просто чудовищно вежлив, прямо как продавец в «Гэп»². Как будто он очень надеялся, что я что-то куплю, но не хотел показаться назойливым.

– Я все равно считаю, что мы созданы друг для друга, – неожиданно выпалил он, когда возвращал мою толстовку (чистую и как следует сложенную, разумеется) и разные мелочи, которые я оставила в его машине: ручки, зарядное устройство от телефона и чудной снежный шарик, который я высмотрела на распродаже в «Си-Ви-Эс»³. В школьной столовой в тот день на обед подавали спагетти с маринарой⁴, и в уголке его рта осталось немного соуса. – Может, ты еще передумаешь.

– Возможно, – ответила я тогда.

И больше всего на свете мне хотелось бы, чтоб так и было.

Дара хватает бутылку «Соузен Комфорт»⁵, наливает в пластиковый стакан дюйма на три, а потом доверху наполняет его кока-колой. Я прикусываю губу, словно могу сжевать слова, которые так и рвутся наружу.

Это как минимум третий ее стакан, а у нее и так уже напряженные отношения с родителями. Ей стоило бы избегать неприятностей. Господи, ведь это из-за нее мы обе ходим на терапию.

Но вместо этого я говорю:

– Ну что, новый парень, значит? – Я стараюсь изо всех сил, чтобы это звучало непри-
нужденно.

Дара ухмыляется одним уголком рта.

– Ты же знаешь Ариану, она преувеличивает.

Дара смешивает еще один коктейль, сует мне в руку и прислоняет свой стаканчик к моему.

– За тебя! – произносит она и одним большим глотком опустошает стакан наполовину.

Напиток подозрительно пахнет сиропом от кашля. Я ставлю свой стакан возле тарелки с остывшими сосисками в тесте. Они похожи на сморщенные пальцы, обернутые марлей.

– Значит, нет никакого тайного бойфренда?

Дара пожимает плечами.

– Ну что я могу сказать?

Этим вечером она накрасила глаза золотистыми тенями, которые теперь пылью осыпались на ее щеки. Она выглядит так, будто по дороге сюда заглянула в какую-то сказочную страну.

– Просто я неотразима.

– А что с Паркером? – спрашиваю я. – Снова неприятности в раю?

Улыбка мгновенно исчезает с лица Дары, и я начинаю жалеть о том, что задала этот вопрос.

– А что? – произносит она. Ее взгляд становится жестким и непроницаемым. – Хочешь произнести свое коронное «я же тебе говорила»?

– Забудь. – Я отворачиваюсь, внезапно чувствуя себя обессилившей и измотанной. – Спокойной ночи, Дара.

– Подожди, – она хватается за запястье.

В одну секунду напряженности между нами как не бывало, и она снова улыбается.

² Гэп (Gap – *англ.*) – известный американский бренд, выпускающий одежду, обувь и пр. Вторая по величине сеть магазинов одежды в мире (*прим. пер.*).

³ Си-Ви-Эс (CVS Pharmacy – *англ.*) – вторая по величине аптечная сеть в США, продающая помимо лекарств по рецептам широкий ассортимент общих товаров, включая косметику, сезонные товары и пр. (*прим. пер.*).

⁴ Маринара – итальянский томатный соус с добавлением чеснока, лука и пряностей (*прим. пер.*).

⁵ Соузен Комфорт (SoCo) – популярный ликер на основе виски, умеренно сладкий и достаточно крепкий (*прим. пер.*).

– Останься, ладно? *Останься*, Нинпин, – повторяет она, видя мои колебания.

Когда Дара становится такой милой и умоляющей, совсем как прежде, когда моя сестренка забиралась ко мне на грудь и смотрела на меня широко распахнутыми глазами, требуя проснуться, ей просто невозможно отказать... *Почти*.

– Мне вставать в семь, – отвечаю, пока она плетется за мной к дверям, за которыми шумит и хлупает дождь. – Я пообещала маме помочь навести порядок к приходу тети Джекки.

Первый месяц после того как папа объявил, что уходит, мама вела себя как будто абсолютно ничего не произошло. Но в последнее время она часто стала что-то *забывать*: включить посудомоечную машину, поставить будильник, погладить свои рабочие блузки, пропылесосить. Кажется, вместе с каждым предметом, который папа уносит из нашего дома, – будь то его любимое кресло, шахматы, которые он унаследовал от своего отца, или клюшки для гольфа, которыми никогда не пользовался, – он забирает с собой и частичку ее рассудка.

– Зачем? – Дара закатывает глаза. – Она же все равно принесет с собой эти свои очищающие кристаллы. Пожалуйста, – добавляет она. Ей приходится повысить голос, чтобы перекричать музыку: кто-то только что сделал погромче, и теперь кажется, даже пол вибрирует в такт. – Ты же *всегда* сидишь дома.

– Неправда, – отрицаю я. – Это просто тебя там *никогда* нет.

Мои слова звучат жестче, чем я хотела бы. Но Дара только смеется в ответ.

– Давай не будем ругаться сегодня, ладно? – говорит она и прижимается ко мне, чтобы поцеловать в щеку. Ее губы липкие, словно от конфет. – Давай просто радоваться.

Какие-то парни, видимо, десятиклассники, собравшиеся в кучку в одном из углов полутемного амбара, начинают хлопать нам и свистеть.

– Круто, – кричит один из них, поднимая банку с пивом. – Лесбийские игры!

– Заткнись, придурок! – кричит ему в ответ Дара и смеется. – Это моя сестра.

– Вот теперь мне точно пора, – говорю я.

Но Дара не слушает. Ее лицо пылает, а глаза блестят от алкоголя.

– Это – моя сестра, – снова объявляет она, обращаясь ко всем сразу и одновременно ни к кому, ведь Дара – из тех людей, за которыми другие всегда наблюдают, повторяют, следуют. – *И* моя лучшая подруга.

Еще больше свиста и хлопков.

– Начинайте уже! – орет другой парень.

Дара обнимает меня за плечи, прислоняется к моему уху и шепчет. В ее дыхании ощущается какой-то приятный запах, смешанный с алкоголем.

– Лучшие подруги до конца жизни, – шепчет она, и я уже не могу понять, обнимает она меня или висит на мне. – Правда, Ник? И ничто – *ничто* – этого не изменит.

<http://www.VestnikPoberezhja.com/27martaproishestvija>

В ноль часов пятьдесят пять минут полиция города Норуок выехала на место аварии, произошедшей на 101-м шоссе, к югу от мотеля «Шейди Палмс». Находившаяся за рулем семнадцатилетняя Николь Уоррен с незначительными травмами была направлена в госпиталь «Истерн Мемориал». Пассажирка, пятнадцатилетняя Дара Уоррен, которая не была пристегнута ремнем безопасности, на машине «Скорой помощи» была срочно доставлена в реанимационное отделение. На момент публикации ее состояние оценивается как критическое. Мы все молимся за тебя, Дара!

Оооооочень грустно. Надеюсь, она выкарабкается!

Комментарий от: mamabear27 в 06:04

Я живу чуть дальше по шоссе, аварию было слышно в полумиле!!!

Комментарий от: qTrie27 в 08:04

Эти ребята думают, что они бессмертные. Кто вообще ездит непристегнутым??? Никто не виноват, кроме нее самой.

Комментарий от: markhhammond в 08:05

Прояви сострадание, чувак! Мы все делаем глупости.

Комментарий от: trickmatrix в 08:07

Но некоторые тупее, чем остальные.

Комментарий от: markhhammond в 08:08

Примечание.

Ниже представлен коллаж из открыток, в которых одноклассники и друзья Дары желают ей скорейшего выздоровления, включая записку от Паркера:

«Дара, мне так жаль! Пожалуйста, очнись. Я хочу все исправить».

После

http://www.VestnikPoberezhja.com/15ijulya_zderzhaniya

Тяжелая ночь выдалась у отделения Мейн Хайтс. Между полночью и часом ночи трое местных подростков совершили серию мелких краж к югу от 23-го шоссе. Сначала сотрудники полиции выехали на вызов в магазин «7-11» на Ричмонд-Плейс, где семнадцатилетний Марк Хаас, шестнадцатилетний Дэниэл Рипп и девятнадцатилетний Джейкоб Рипп, угрожая служащему, похитили две упаковки пива, четыре коробки яиц, три пачки «Твинкиз», а также три колбаски «Слим Джим».

Полиция преследовала подростков до улицы Саттер-Стрит, где они сломали полдюжины почтовых ящиков и закидали яйцами дом мистера Уолтера Мидлтона, учителя математики в старших классах (который, как нам удалось узнать, угрожал завалить Хааса на экзамене, из-за того что тот списывал).

В конце концов полиции удалось задержать нарушителей в парке Каррен, но к тому времени они успели украсть рюкзак, две пары джинсов и кеды из общественного бассейна. Одежда, как сообщает полиция, принадлежала двум подросткам, которые решили искупаться голышом. Последние были доставлены в участок Мейн Хайтс (надеюсь, все же после возвращения им одежды).

Дэnnnnnnnnи... просто легенда.

Комментарий от: grandtheftotto в 12:01

Заняться больше нечем...

Комментарий от: momofthree в 12:35

Ирония в том, что эти парни наверняка в скором времени сами будут работать в «7-11». Как-то не вижу эту тройку в будущем нейрохирургами.

Комментарий от: hal.m.woodward в 14:56

Искупаться голышом? Они там не окоченели?: P

Комментарий от: Prettymaddie в 19:22

А почему в статье не приводятся имена «подростков, которые решили искупаться голышом»? Незаконное проникновение – это разве не уголовное преступление?

Комментарий от: vigilantescience01 в 21:01

Спасибо за вопрос. Так и есть, но обвинение выдвинуто не было.

Комментарий от: admin в 21:15

Мистер Мидлтон дерьмо.

Комментарий от: hellicat15 в 23:01

Ник, 15 июля

– Исккупаться голышом, Николь?

В английском языке есть много слов, которые ты не хотела бы когда-либо услышать от своего отца. «Клизма». «Оргазм». «Разочарован».

Но «исккупаться голышом» в этом списке – на первых позициях, особенно если тебя забрали из участка в три утра и ты одета в форменные полицейские штаны и толстовку, которая, видимо, раньше принадлежала какому-нибудь бездомному или подозреваемому по делу о серийных убийствах, потому что твои одежда, сумка, паспорт и деньги были украдены из бассейна.

– Это была шутка, – отвечаю я.

Звучит тупо. Нет ничего смешного в том, что тебя арестовывают практически с голым задом глубокой ночью, когда тебе положено спать дома.

Передние фары делят дорогу перед нами на клочки света и тени. Я рада, что, по крайней мере, не вижу папиного лица.

– О чем ты вообще думала? Я такого не ожидал. Только не от тебя. А этот парень, Майк...

– Марк.

– Да без разницы. Сколько ему лет?

Я не отвечаю. Ему *двадцать*, но лучше мне промолчать. Отец просто ищет виноватого. Пусть думает, что кто-то втянул меня в это. Что какой-то парень, который плохо на меня влияет, заставил меня перелезть через ограду парка Каррен, раздеться до нижнего белья и плюхнуться животом в ледяную воду так, что вышибло дух из моего тела, так, что я вынырнула, смеясь, хватая ртом воздух и думая о Даре. О том, что она должна была быть там со мной, она бы меня поняла.

Перед глазами возникает картина: огромная глыба, вырастающая прямо из темноты, целая стена из камня. Мне приходится закрыть и заново открыть глаза – ничего. Впереди только длинное ровное шоссе и две воронки света от передних фар.

– Послушай, Ник, – говорит отец (это мое старое прозвище, которое почему-то прижилось). – Я и мама, мы волнуемся за тебя.

– Я думала, вы с мамой не разговариваете, – отвечаю я, приоткрывая окно на несколько дюймов, потому что кондиционер почти не охлаждает, и еще потому что порывы ветра заглушают голос отца.

Он не обращает внимания.

– Я серьезно. Со дня аварии...

– Пожалуйста, – быстро произношу я, не позволяя ему закончить фразу. – Не надо.

Отец вздыхает и начинает тереть глаза за линзами очков. От него немного пахнет мятыми полосками, которые он на ночь приклеивает на нос, чтобы не храпеть, и он все еще в своих старых-престарых пижамных штанах с оленями. И на секунду я чувствую себя по-настоящему ужасно.

Но потом я вспоминаю его новую подружку и то, какой молчаливой и деревянной стала мама, словно марионетка, чьи ниточки натянуты слишком сильно.

– Тебе придется обсудить это с кем-то, Ник, – говорит отец. Он произносит это тихо и обеспокоенно. – Если не со мной, то с доктором Личми. Или с тетей Джекки. *Хоть с кем-то.*

– Нет, – отвечаю я, полностью опуская стекло. Ветер становится штормовым и уносит звук моего голоса. – Нет.

Дара, 7 января

Доктор Лизни – ой, простите, Личми – говорит, что каждый день я должна в течение пяти минут писать о своих чувствах.

Ну, вот пожалуйста:

Ненавижу Паркера.

Ненавижу Паркера.

Ненавижу Паркера.

Ненавижу Паркера.

Ненавижу Паркера.

Мне уже лучше!

Прошло пять дней после НАШЕГО ПОЦЕЛУЯ, и сегодня при встрече он старался даже не дышать в моем направлении, как будто боялся, что я отравлю его воздух или что-то в этом роде.

Мама с папой на этой неделе тоже в черном списке. Папа – потому, что ходит с серьезным и мрачным видом из-за развода, хотя очевидно, что в душе он так рад, что готов кувыркатся и крутить сальто. Я имею в виду, если он действительно не хотел бы уходить, то и не стал бы, так? А мама – из-за того, что даже не может постоять за себя. И еще она не проронила ни слезинки на дедушкиных похоронах. Она делает вид, что ничего не произошло, продолжает ходить на велотренировки и выискивать чертовы рецепты с Киноа, как будто может спасти весь мир от раскола, просто получая достаточно пищевых волокон. Прямо какой-то робот в штанах для йоги и толстовке с надписью «Вассар»⁶.

И Ник такая же. Это сводит меня с ума. Она ведь не была такой раньше, не думаю. Или я просто не помню. Но с тех пор, как она перешла в старшие классы, она без конца выдает какие-то советы, как будто ей все 45. Хотя она старше меня ровно на одиннадцать месяцев и три дня.

Я помню, что, когда в прошлом месяце родители усадили нас за стол и объявили о разводе, она и глазом не моргнула.

«Нормально», – сказала она.

Нормально, мать твою. В самом деле???

Дедушка умер, мама с папой друг друга ненавидят, а Ник периодически смотрит на меня, как на инопланетянку.

Слушайте, доктор Лизни, все, что я могу сказать: это **не** нормально.

Ничего из этого.

Ник, 17 июля

Сомервилль и Мейн Хайтс разделяют всего двенадцать миль, но они с таким же успехом могли бы находиться в разных странах. В Мейн Хайтс все новое: новые здания, новые магазины, новое барахло, недавно разведенные отцы с их новенькими квартирами в кондоминиумах: груды гипсокартона, фанера и свежая краска. Словно театральные декорации, сколоченные на скорую руку, потому и нереалистичные. Дом, в котором поселился папа, виднеется позади парковки и ряда тощих вязов, которые отделяют жилой комплекс от шоссе. Полы всюду покрыты коврами, а кондиционер работает абсолютно бесшумно, выпуская потоки затхлого ледяного воздуха, поэтому кажется, что живешь внутри холодильника.

⁶ Вассар (Vassar College – *англ.*) – престижный частный гуманитарный колледж в Нью-Йорке (*прим. пер.*).

Впрочем, мне нравится Мейн Хайтс. Мне нравится моя белоснежная комната, запах свежего асфальта и все эти хрупкие здания, тянущиеся к небу. Мейн Хайтс – то место, куда люди приезжают, когда хотят все забыть.

Но через два дня после инцидента с купанием голышом я отправляюсь домой в Сомервилль.

– Тебе будет полезно сменить обстановку, – в двенадцатый раз повторяет отец. Звучит глупо, ведь то же самое он говорил, когда забирал меня в Мейн Хайтс. – И для твоей матери тоже лучше, когда ты дома. Она будет рада.

По крайней мере, он не врет, что Дара тоже будет рада.

Мы приезжаем в Сомервилль слишком быстро. Словно перешли по подземному переходу с одной стороны улицы на другую. Здесь все выглядит старым. Гигантские деревья обрамляют дорогу: плакучие ивы тянут ветви к земле, высокие дубы отбрасывают на машины дрожащие тени. Сквозь занавес колышущейся зелени видны огромные дома, построенные в колониальную эпоху, в начале века или вообще черт их знает когда. Прежде здесь были огромная мельница и хлопковая фабрика. В те времена Сомервилль был крупнейшим городом штата. Сейчас половине зданий присвоен статус памятников архитектуры. Мы празднуем День Отцов-основателей, День Мельницы и устраиваем Парад Пилигримов. Жить в месте, настолько заикленном на прошлом, – в этом есть что-то нездоровое. Как будто все просто забили на самую идею будущего.

Как только мы сворачиваем на Вест Хейвен Корт, мою грудь сдавливает. Это еще одна проблема Сомервилля: слишком много воспоминаний и ассоциаций. Все, что здесь происходит, случалось уже тысячу раз. На секунды в голове всплывают воспоминания о тысяче других поездок... тысяче поездок на большом папином «Субурбане» с бурым кофейным пятном на пассажирском сиденье, напоминающем о семейных путешествиях, праздничных ужинах и совместных вылазках по делам.

Забавно, как что-то может быть таким постоянным, а потом измениться в одночасье.

«Субурбан» теперь выставлен на продажу. Папа хочет обменять его на модель поменьше, как уже обменял свой большой дом и семью из четырех человек на квартиру поменьше и бойкую миниатюрную блондинку по имени Шерил. И мы уже никогда не проедем до дома № 37 всей семьей.

Машина Дары припаркована позади маминой на подъездной аллее. Она такая грязная, что я могу оставить отпечатки ладоней рядом с бензобаком. Пара пушистых игральные кости, которые я купила ей в Волмарте, все еще висят на заднем стекле. Мне становится немного легче от того, что она их не выбросила. Интересно, начала ли она снова водить? Интересно, застану ли я ее дома, сидящую на кухне в слишком большой для нее футболке и микроскопических шортах, ковыряющую ногти на пальцах ног? Она всегда так делает, когда хочет свести меня с ума. Поднимет ли она на меня глаза, сдует ли челку и скажет: «Привет, Нинпин, – как будто ничего и не произошло, как будто она не избегала меня последние три месяца?»

Только когда мы припарковались, я замечаю, что отец, кажется, переживает из-за того, что избавляется от меня.

– С тобой все будет в порядке? – спрашивает он.

– А ты как думаешь? – отвечаю я.

Хочу выйти из машины, но он меня останавливает.

– Так будет лучше для тебя, – повторяет он. – Лучше для вас обоих. Даже доктор Личми сказал...

– Доктор Личми – зануда, – бросаю я и выбираюсь из машины, прежде чем он успеет возразить.

После аварии родители заставили меня посещать доктора Личми раз в неделю. Похоже, они опасались, что я могла разбить машину намеренно или что сотрясение навсегда вывело из строя мои мозги. Но они перестали настаивать на этих визитах, после того как я не издала ни единого звука за время четырех сеансов стоимостью по 250 долларов каждый. Понятия не имею, ходит ли еще Дара к нему.

Мне приходится стукнуть по багажнику, чтобы отец его открыл. Он даже не утруждается выйти из машины, чтобы меня обнять (не то чтобы мне этого хотелось), просто опускает стекло и машет рукой, как будто я – пассажир корабля, который вот-вот отправится в плавание.

– Я люблю тебя, – произносит он. – Позвоню тебе вечером.

– Конечно. Я тоже. – Закидываю сумку на одно плечо и тащусь к входной двери.

Газон совсем зарос, и мокрая трава липнет к моим щиколоткам. Входную дверь давно пора покрасить, и весь дом выглядит каким-то опустошенным, как будто внутри него рухнуло что-то важное.

Несколько лет назад мама решила, что пол нашей кухни стал немного крениться. Она выкладывала на столешницу замороженные горошины и показывала нам с Дарой, как они катятся. Отец думал, она спятила. Они сильно ссорились из-за этого. Особенно из-за того, что отец все время наступал на горошины, когда ночью приходил на кухню, чтобы попить воды.

Но мама оказалась права. В конце концов она пригласила кого-то осмотреть фундамент. Выяснилось, что почва осела и наш дом накренился на полдюйма влево. Недостаточно, чтобы увидеть, но достаточно, чтобы почувствовать.

Но сегодня дом выглядит кривобоком больше, чем когда-либо.

Мама так и не удосужилась поменять зимнюю дверь на сетку. Мне приходится налечь на ручку, чтобы она открылась. В холле темно. Воздух кажется немного застоявшимся. Несколько коробок «Федекс» свалены в кучу под столом, а в самом центре на полу брошены заляпанные грязью резиновые сапоги для сада, которые я не узнаю. Перкинс, наш шестнадцатилетний кот, издает жалобное «мяу» и бежит через холл, чтобы потереться о мои лодыжки. Хоть кто-то рад меня видеть.

– Привет, – кричу я, сбитая с толку и смущенная тем, что чувствую себя так неловко, словно я чужая в этом доме.

– Я здесь, Ник! – Мамин голос из-за стен звучит слабо, словно замурованный там.

Я бросаю сумки в холле, тщательно избегая брызг грязи, и направляюсь на кухню, по пути все время представляя себе Дару: Дара болтает по телефону, Дара с ногами забралась на подоконник, Дара с новыми цветными прядями в волосах. Глаза Дары, прозрачные, словно вода в бассейне, и ее нос – курносая кнопка (за такой многие дорого заплатили бы), Дара ждет меня, готовая простить.

Но на кухне я застаю маму в одиночестве. Что ж. Либо Дары нет дома, либо она не посчитала нужным удостоить меня своим присутствием.

– Ник. – Мама кажется удивленной при виде меня, хотя, само собой, она слышала, как я вошла, и ждала моего приезда все утро.

– Ты слишком худенькая, – произносит она, обнимая меня. А затем: – Я очень разочаровалась в тебе.

– Да уж... – Я сажусь за стол, заваленный старыми газетами. На нем две полупустые кружки, кофе в которых уже подернулся молочно-белой пленкой, и тарелка с недоеденным сэндвичем. – Папа сказал.

– Серьезно, Ник. Купаться голышом? – Мама пытается провести неодобрительную родительскую беседу, но она далеко не так убедительна, как отец. Она – словно актриса, которой уже наскучила своя роль.

– У нас всех и так уже достаточно проблем. Я не хочу волноваться еще и о тебе.

А вот и она, мерцающая между нами, будто мираж: Дара в коротких шортах и на высоких каблуках, толстый слой туши для ресниц немного осыпался на щеки. Дара смеется, она всегда смеется и просит нас не волноваться, с ней ничего не случится, она никогда не пьет, хоть от нее и пахнет всюю ванильной водкой. Дара – наша красавица, Дара – всеобщая любимица, Дара – сложный ребенок, которого все обожают. Моя маленькая сестричка.

– Вот и не нужно, – говорю я резко.

Мама вздыхает и садится напротив меня. После аварии она стала выглядеть лет на сто. Ее кожа бледная и сухая, под глазами синяки и мешки. Корни волос не покрашены. На секунду мне в голову приходит ужасная, жестокая мысль:

«Неудивительно, что папа ушел».

Но я знаю, что это нечестно. Он ушел еще до того, как началось все это дерьмо. Я миллион раз пыталась понять его, но так и не смогла. Нет, после – понятно. Когда Даре поставили металлические спицы в коленные чашечки и она поклялась, что больше никогда не заговорит со мной. Когда мама стала молчать неделями и принимать снотворное каждый вечер, а потом просыпаться слишком слабой, чтобы идти на работу, а больничные счета все сыпались и сыпались на нас, словно осенние листья после урагана.

Но чем мы не устраивали его до всего этого?

– Извини за беспорядок. – Мама жестом обводит обеденный стол, подоконник, заваленный почтой, и рабочую зону, где помимо почты лежат сумки из супермаркета, наполовину распакованные и забытые.

– Столько разных дел все время. С тех пор, как я снова начала работать...

– Все в порядке. – Ненавижу слушать, как мама извиняется. После аварии она только и делает, что извиняется. Когда я очнулась в больнице, она обнимала меня и укачивала, словно младенца, снова и снова повторяя одно и то же слово: «Прости». Как будто она могла что-то изменить. Когда она извиняется за то, в чем не виновата, мне становится еще хуже.

Это я вела ту машину.

Мама прочищает горло.

– Теперь, когда ты дома, чем ты думаешь заняться летом?

– Ты о чем?

Я тянусь через стол и откусываю кусочек ее тоста. Черствый. Я выплевываю его в скомканную салфетку, и мама даже не отчитывает меня за это.

– У меня еще остались неотработанные смены в «Палладиуме». Мне нужно только взять машину Дары и...

– Ни за что. Ты ни в коем случае не вернешься в «Палладиум», – мама внезапно превращается в себя прежнюю: в директора-одной-из-лучших-государственных-школ-округа-Шорлайн Каунти. В маму, которая пресекала драки между старшеклассниками и заставляла родителей, уклоняющихся от своих обязанностей, взяться за ум или хотя бы притвориться. – И водить ты тоже не будешь.

Мою кожу покалывает от злости.

– Ты это несерьезно.

В начале лета я устроилась работать в торговый киоск в «Палладиуме», кинотеатре в «Бевел Молл», совсем рядом с Мейн Хайтс. Самая простая и самая тупая работа на свете. Большую часть времени во всем торговом центре пусто, если не считать мамашек в Спандексе, толкающих перед собой детские коляски. Но даже если они и приходят в «Палладиум», они никогда не заказывают ничего, кроме колы. Так что мне просто нужно являться на работу, и за это я получаю десять с половиной долларов в час.

– Я чертовски серьезна. – Мама кладет руки на стол и сжимает их так сильно, что я вижу каждую косточку. – Мы с твоим отцом считаем, что этим летом тебе нужно немного больше порядка, – говорит она. Просто удивительно, что мои родители могут на время перестать друг

друга ненавидеть только для того, чтобы сплотиться против меня. – Тебе нужно чем-то занять себя.

Занять себя. Или мотивировать себя. Для родителей это означает: все время быть под присмотром и сходить с ума от скуки.

– Я достаточно занята в «Палладиуме», – отвечаю я. И это откровенная ложь.

– Ты перемешиваешь попкорн с маслом, Ники, – говорит мама.

Между ее бровей появляется линия, как будто кто-то прижал палец к ее коже.

«*Не всегда*», – едва не произношу я.

Она встает, немного плотнее запахивая халат. Летом она ведет уроки в школе с понедельника по четверг. Но сегодня пятница, видимо поэтому она и не потрудилась переодеться, хотя на часах уже больше двух.

– Я поговорила с мистером Уилкоксом, – говорит она.

– Нет. – Покалывание превращается в настоящую панику.

Грег Уилкокс – странноватый мужик в годах, который раньше преподавал математику в маминой школе, а потом сменил профессию и стал управляющим «Фэнтази Лэнд», самого старого и пресного парка развлечений в мире. Но поскольку такое название больше подошло бы стрип-клубу, все называют парк просто «ФэнЛэнд».

– Даже не произноси этого.

Но она не слушает.

– Грег говорит, ему не хватает персонала этим летом. Особенно после... – она обрывает фразу с таким лицом, как будто надкусила лимон. А значит, она едва не сказала что-то, чего не должна говорить. – Что ж, он найдет применение лишней паре рук. Это физический труд, и ты будешь на воздухе. Тебе это будет полезно.

Кажется, меня уже подташнивает от того, что родители заставляют меня что-то делать, притворяясь, что это ради моего же блага.

– Это несправедливо, – заявляю я.

И едва сдерживаюсь, чтобы не добавить: «*Вы никогда не заставляете Дару что-либо делать*». Но я решаю не упоминать ее, так же как избегаю спрашивать, где она. Если она собирается притворяться, что меня не существует, я могу поступить с ней так же.

– Мне необязательно быть справедливой, – говорит она. – Я твоя мать. Кроме того, доктор Личми думает...

– Мне плевать, что думает доктор Личми.

Я отодвигаюсь от стола с такой силой, что ножки стула царапают линолеум. Из-за жары и влажности в доме очень тяжелый воздух вентиляции. Так вот каким будет мое лето: вместо того чтобы валяться в просторной спальне в доме отца, выключив свет и врубив кондиционер на полную мощность, я буду жить в одном доме с сестрой, которая ненавидит меня, и прислуживать в древнем парке развлечений, куда навещаются только фрики и старики.

– Теперь и ты начинаешь разговаривать, как она, – мама выглядит абсолютно измотанной. – Тебе не кажется, что одной *такой* вполне достаточно?

Дара нередко становится не только темой нашего разговора, но и аргументом в нем. Даже в ее отсутствие. Сколько я себя помню, все вокруг сравнивали меня с Дарой: «*Она не такая симпатичная, как ее младшая сестра... скромнее, чем младшая сестра... не такая популярная, как ее младшая сестра...*»

Единственное, в чем я превзошла Дару, это ординарность. И хоккей на траве – как будто умение гонять шайбу по траве может стать основной характеристикой личности.

– Я не такая, как она.

Ухожу из кухни прежде, чем мама успевает мне ответить, и, едва не споткнувшись о брошенные в холле резиновые сапоги, избегаю вверх через две ступеньки. Повсюду произошли какие-то изменения. Одни привычные мелкие детали отсутствуют, другие появились. Напри-

мер, небольшие пластиковые гномы-светильники рядом с маминей спальней или одинокое пятно ковра в кабинете, где раньше стояло любимое кожаное кресло отца, невероятно уродливое, и множество картонных коробок со всякой ерундой, как будто в наш дом медленно въезжает другая семья или сами мы медленно выезжаем.

По крайней мере, мою комнату не тронули: все книги расставлены как положено, кровать аккуратно заправлена покрывалом пыльно-голубого цвета, а мои детские мягкие игрушки, Бенни и Стюарт, занимают мои подушки. На прикроватном столике я замечаю наше с Дарой фото в рамочке. Оно было снято на Хэллоуин в тот год, когда я только перешла в старшие классы. На фото мы обе одеты в костюмы ужасных клоунов и с краской на лицах выглядим едва ли не близнецами. Я быстро пересекаю комнату и кладу фото лицом вниз. Затем, немного подумав, убираю его в ящик.

Я даже не знаю, что хуже: что я дома и здесь так много всего изменилось, или что я дома, где столько всего осталось прежним.

Над головой у меня раздаются шаги. Это Дара ходит по своей комнате на чердаке. Значит, она все же *дома*. Внезапно я чувствую такой прилив гнева, что хочется по чему-нибудь стукнуть. Во всем виновата Дара. Это Дара перестала со мной разговаривать. Это Дара виновата, что я брожу по дому с ощущением, будто в груди у меня шар для боулинга, угрожающий в любую секунду упасть, пройдя через желудок, и размазать по полу мои кишки. Это она виновата, что я не могу спать и не могу есть, а когда пытаюсь, меня начинает тошнить.

В другое время мы бы вместе посмеялись над папиной новой подружкой, и Дара придумала бы ей секретное злое прозвище, так что мы могли бы обсуждать ту прямо перед носом, а она ни о чем бы не догадалась. В другое время Дара могла бы пойти со мной на работу в ФэнЛэнд, просто чтобы составить мне компанию, просто чтобы мне не пришлось в одиночку отскрести стариковский запах и детскую рвоту с древних аттракционов. И мы бы соревновались, кто найдет больше поясных сумок за час или кто выпьет больше колы, не рыгнув.

В другое время она превратила бы все это в веселье.

И, еще не решив окончательно, что я ей скажу, я возвращаюсь в коридор и поднимаюсь по лестнице, ведущей на чердак. Наверху воздух еще горячее. Мама с папой переселили Дару с первого этажа на чердак в середине ее первого года в старшей школе, полагая, что оттуда ей сложнее будет улизнуть ночью. Но она стала выбираться через окно и спускаться, используя решетку для плетистых роз в качестве лестницы.

Дверь в комнату Дары закрыта. После одной из наших ссор она написала «*НЕ ВХОДИТЬ*» большими красными буквами прямо на двери. Родители заставили ее закрасить надпись, но при определенном освещении она все еще различима под слоем краски «Яичная скорлупа, оттенок 12».

Я решаю не стучать. Вместо этого я, словно коп из сериала, резко распахиваю дверь, будто ожидаю, что она может наброситься на меня.

В ее комнате, как всегда, бардак. Простынь наполовину сползла с кровати. На полу валяются джинсы, обувь, блестящие рубашки и открытые топы, и еще куча всякой ерунды, которая обычно скапливается на дне сумки: жвачка, «Тик-так», мелочь, полученная на сдачу, колпачки от ручек и сломанные сигареты.

В воздухе еще витает легкий запах корицы – любимый аромат Дары.

Но ее самой нет. Окно открыто, и легкий ветер треплет занавески, создавая мелкую рябь. Я пересекаю комнату, изо всех сил стараясь не наступить на что-нибудь хрупкое, и высываюсь в окно. Как всегда, инстинктивно сначала окидываю взглядом дуб, на котором раньше Паркер вешал красную футболку, если хотел, чтобы мы зашли поиграть в то время, как нам полагалось делать домашнюю работу или спать. Тогда Дара и я вместе соскальзывали вниз по розовому кусту, отчаянно стараясь не хихикать, и, взявшись за руки, бежали на встречу с ним в наше секретное место.

Конечно, сейчас красной футболки нет. Но куст немного колеблется, и несколько недавно оторвавшихся лепестков опускаются, кружась на ветру. Я замечаю едва различимые следы на земле. Подняв глаза, я, кажется, вижу яркое пятно, сияющую кожу и темные волосы, мелькающие между деревьев, кучно растущих позади нашего дома.

– Дара, – кричу я. – Дара!

Но она не оборачивается.

Дара, 17 июля

Я не спускалась по розовому кусту с момента аварии и сейчас переживаю, что запястья могут подвести. После аварии меня собирали по кускам, в течение месяца я не могла даже вилку держать. Приходится прыгнуть в нескольких футах от земли, и мои лодыжки тут же напоминают о себе. По крайней мере, я приземлилась и не рассыпалась на кусочки. Наверное, от всей этой физиотерапии все же есть толк.

Я ни в коем случае не хочу видеть Ник. Только не после того, что она сказала.

«Я – не она».

Совершенная Никки. Идеальный Ребенок.

«Я – не она».

Как будто это не мы всю нашу жизнь пробирались в комнаты друг к другу, чтобы спать в одной постели, обсуждая наши неудачи, разглядывая лунные дорожки на потолке и выискивая среди них разные интересные формы. Как будто это не мы однажды порезали пальцы, чтобы смешать нашу кровь и быть навечно связанными, чтобы в нас были не только общие гены, но и частички друг друга. Как будто это не мы клялись всегда жить вместе, даже после колледжа, как два мушкетера, сладкая парочка, черное и белое, две части одной печеньки.

Но теперь Совершенная Ник начала проводить границы.

Посадка ведет к соседнему двору с аккуратно подстриженной лужайкой, где сквозь деревья проглядывает дом. Если повернуть налево, я смогу, минуя Дюпонтов, попасть прямо к дому Паркера и к секретному лазу в заборе, который мы с Ник и Паркером организовали, когда были детьми, чтобы легче было пробираться туда-обратно. Я поворачиваю направо и выныриваю в конце Олд Хикори Лейн, напротив помоста для оркестра в парке Олд Ричис. На сцене выступает группа из четверых музыкантов, чей совокупный возраст составляет, должно быть, не меньше тысячи лет. Они одеты в старомодные соломенные шляпы и полосатые пиджаки. Песня, которую они исполняют, мне незнакома.

На секунду, стоя посреди дороги и глядя на них, я чувствую себя абсолютно потерянной, словно вселилась в чужое тело и теперь проживаю чью-то жизнь.

Вообще-то во всей этой истории с аварией было кое-что хорошее, и, если вам интересно, я не имею в виду сломанные коленные чашечки, раздробленный таз, осколки запястья, сложный перелом берцовой кости и вывихнутую челюсть, шрамы в том месте, где моя голова прошла сквозь боковое стекло, и четыре недели, которые мне пришлось проваляться в больнице, потягивая через трубочку молочные коктейли.

Хорошее заключается в том, что я целых три месяца не ходила в школу.

На самом деле я не против ходить в школу. По крайней мере, *раньше* не была против. Уроки, конечно, отстой, но все остальное – видиться с друзьями, бегать между уроками за лабораторию, чтобы выкурить сигаретку, флиртовать с парнями постарше, чтобы они пригласили тебя куда-нибудь на ланч, – это прикольно.

В школе тяжело только тем, кто старается хорошо учиться. А когда из двух сестер тупая – ты, никто и не ждет от тебя никаких успехов в учебе.

Но я не хотела никого видеть. Я не хотела хромать по кафетерию и ловить сочувственные взгляды. Ведь я не могла даже просто сесть, не поморщившись, как старушка. Я не хотела

давать им повод жалеть меня или притворяться, что им жаль меня, чувствуя внутри тайное удовлетворение от того, что я больше не красавица.

Сигналит машина, и я быстро убираюсь с дороги, немного спотыкаясь в траве, но чувствуя благодарность за возвращающиеся силы. По большому счету я впервые за многие месяцы вышла из дома.

Вместо того чтобы проехать мимо, машина замедляется, и вместе с ней замедляется время. Я чувствую, как кулак ужаса сжимается в моей груди. Видавший виды белый «Вольво», бампер которого примотан к днищу изолентой.

Паркер.

– Вот черт.

Это первое, что он произносит при виде меня. Не *«О боже, Дара! Так здорово снова видеть тебя»*. Не *«Мне так жаль. Я думал о тебе каждый день»*.

Не *«Я не звонил, потому что боялся»*.

Просто *«Вот черт»*.

– Типа того, – отвечаю я, так как это единственный ответ, который мне удастся выдумать.

В этот самый момент группа решает прекратить играть. Забавно, что тишина может быть громче любых звуков.

– Я... вау.

Он ерзает в машине, но не пытается выбраться из нее и обнять меня. Его темные волосы отросли и теперь едва не достают до челюсти. Он загорел – видимо, работал под открытым небом. Возможно, стриг газоны, как в прошлом году. Его глаза все того же неопределенного цвета: не голубые и не зеленые, скорее ближе к тому оттенку серого, который можно увидеть за пятнадцать минут до рассвета. И от одного взгляда на него я по-прежнему готова одновременно блевать, плакать и целовать его.

– Не ожидал тебя увидеть.

– Если ты забыл, я живу за углом, – отвечаю я.

Мой голос звучит жестче и злее, чем мне хотелось бы, поэтому я благодарна музыкантам, которые снова начали играть.

– Я думал, ты уехала, – говорит он.

Обеими руками он сильно сжимает руль. Так он делает, когда пытается скрыть суетливые движения. Паркер всегда шутил, что он – как акула: если когда-нибудь перестанет двигаться, умрет.

– Не уехала, – отвечаю я, – просто ни с кем не виделась.

– Ну да. – Он смотрит на меня так пристально, что мне приходится отвернуться, шурясь от солнца. Так он не сможет видеть шрамы на моей щеке и виске, все еще свежие и кроваво-красные.

– Я решил... Я решил, что ты не хочешь видеть меня. После того, что случилось...

– Ты правильно решил, – быстро произношу я, потому что иначе я могу сказать то, что действительно чувствую, то есть – «это не так».

Он вздрагивает и отворачивается, переключая внимание на дорогу. Появившаяся там машина вынуждена перестроиться на встречную полосу, чтобы объехать его, но Паркер, кажется, ничего не замечает, даже когда ее пассажир, пожилой мужчина, опускает стекло и выкрикивает что-то грубое. Солнце припекает, и по моей шее струится пот. Я помню, как однажды прошлым летом, когда учебный год уже закончился, в парке Аппер Ричиз Паркер читал вслух все самые странные новости, которые только можно было найти в стране (межвидовые отношения, нелепые смерти и необъяснимые следы на полях, которые, Паркер настаивал, могли оставить только пришельцы). А я лежала между ним и Ник, вдыхая запах угля и свежей травы, и думала о том, что могла бы остаться там навечно. Что же, черт возьми, изменилось?

Ник. Родители. Авария.
Всё.

Внезапно мне хочется плакать. Вместо этого я обхватываю свою талию руками и сильно стискиваю.

– Слушай, – он ерошит руками свои волосы, которые немедленно возвращаются в прежнее положение, – тебя, может, подвезти куда-то, или как?

– Нет.

Не хочу признаваться ему, что мне некуда ехать. Я ведь иду без всякого направления, просто куда-нибудь подальше. Я даже не могу вернуться за ключами от своей машины из-за риска встретить Ник, которая, несомненно, будет жаловаться на то, что я не пришла ее торжественно приветствовать по возвращении.

У него такое лицо, будто он случайно проглотил жвачку.

– Я рад тебя видеть, – говорит он, не глядя на меня. – Правда, рад. Я думал о тебе... все время. Честно.

– У меня все в порядке, – отвечаю я.

Хорошо, что я умею так естественно лгать.

http://www.VestnikPoberezhja.com/22julja_poslednienovosti

Полицейский участок Ист Норуока сообщает о возможном похищении девятилетней Мэдлин Сноу. Вечером в воскресенье, 19 июля, в промежутке с 22:00 до 22:45 она исчезла из машины, припаркованной возле кафе «Биг Скуп Айс Крим + Кэнди» на 101-м шоссе. Ее семья предоставила приложенную фотографию и просит любого, кому известно что-либо о местонахождении Мэдлин, немедленно связаться со старшим лейтенантом Фрэнком Эрнандезом по телефону 1-200-555-2160, доб. 3.

Прошу вас, молитесь за Мэдлин вместе со мной. Пусть она вернется домой к своей семье в целости и сохранности, и как можно скорее.

комментарий 161

В этой заметке на удивление мало деталей. Была ли она с родителями в момент «похищения»? Во сколько это произошло? По статистике, чаще всего именно родители виноваты в исчезновении своих детей.

Комментарий от: [alikelystory](#) в 09:45

Спасибо за ваш комментарий, [alikelystory](#). Полиция пока не озвучила никаких деталей. Но мы непременно дополним эту статью, как только они это сделают.

Комментарий от: [admin @](#) в 10:04

«...чаще всего именно родители виноваты в исчезновении своих детей». И откуда же эта так называемая «статистика»?

Комментарий от: [booradleyforprez](#) в 11:42

Бедная Мэдлин. Весь приход Святого Иуды молится за нее.

Комментарий от: [mamabear27](#) в 13:37

Всем привет, за самой свежей информацией перейдите по ссылке www.findMadeline.tumblr.com. Похоже, они только что запустили сайт.

Комментарий от: [weinberger33](#) в 14:25

Кликните, чтобы увидеть остальные комментарии.

Ник, 20 июля

Моя новая работа начинается с утра пораньше в понедельник.

Мама еще спит, когда я ухожу из дома в 7 утра. Дара тоже. Все два дня, что я дома, Дара мастерски избегает меня. Понятия не имею, что она целыми днями делает в своей комнате наверху – наверняка спит. И конечно же, мама ей ни слова не говорит. Дара вне всяких запретов с момента аварии, как будто она стеклянная статуэтка, которая может разбиться из-за неловкого прикосновения. И каждое утро я замечаю в саду сломанные бутоны роз – доказательство того, что она снова поднимается и спускается по розовому кусту.

Нахожу многочисленные свидетельства ее присутствия: забытый в комнате айпод со включенными колонками, вещи, которые она всюду оставляет, засохшая зубная паста на краю раковины в нашей общей ванной (она всегда выдавливает слишком много и никогда не закрывает тюбик), шаги на чердаке! Полупустая пачка чипсов на кухонном столе. Туфли на высокой платформе, брошенные на лестнице. Легкий запах травки, который по ночам спускается с чердака. Вот так я и получаю представление о ней, о ее жизни, о том, чем она занимается. Вот так же рождественским утром мы сбегали вниз и точно знали, что Санта-Клаус приходил, потому что печенье, которое мы оставляли, было съедено, а молоко выпито. Так антрополог восстанавливает картину целой цивилизации по оставшимся от нее осколкам глиняной посуды.

Уже жарко, хотя солнце едва успело показаться над горизонтом и небо еще окрашено в глубокий бархатистый оттенок синего. Цикады сходят с ума и наполняют воздух звуками. Я очищаю банан, который стащила из кухни, и понимаю, что он уже испорчен. Выбрасываю его.

В автобусе, который практически пуст, занимаю последнее сиденье. На стекле кто-то крупными буквами нацарапал инициалы – «Д.Р.А.». Инициалы Дары. Я живо представляю себе, как она скучает, сидя на этом самом месте, и царапает ножиком по стеклу, направляясь бог знает куда.

22-й автобус идет вдоль побережья, петляет вдоль Хэрон Бей с его рядами дешевых мотелей и поселков с домами из искусственного леса, мимо длинной цепочки забегаловок, сувенирных лавок и палаток с мороженым в Ист Норуок, где полно баров, стрип-клубов, сомнительных магазинов нижнего белья и эротического видео. «ФэнЛэнд» тоже находится на 101-м шоссе, всего около мили от места аварии. Безымянного места среди болот, зарослей кустарника и выходов пластов породы, которые в древние времена разрушил какой-то ледник, а теперь ежедневно превращает в песок движение волн.

Я не знаю, что мы там делали. Не помню, почему и как мы разбились. Память зациклилась на моменте, когда мои руки почему-то не на руле, а фары высвечивают впереди каменную стену. Недавно папа предложил мне посетить место аварии, сказал, что это, возможно, окажется «полезным».

Интересно, валяется ли там еще в подсвеченной солнцем траве мой номерной знак, блеснут ли между камней осколки лобового стекла?

К тому времени как мы добираемся до ФэнЛэнда, который имеет общую парковку с «Бум-е-рангом», «Крупнейшей в штате империей фейерверков», если верить вывеске, кроме меня в автобусе остается только древний старик с лицом цвета табачного пятна. Он выходит вместе со мной, но даже не поднимает глаз. Просто медленно шагает через парковку к «Бум-е-рангу», опустив голову, словно ему приходится бороться с сильным ветром.

Я уже вспотела в своей футболке. Парковка рядом с заправкой через дорогу полна полицейских машин. На одной из них беззвучно крутится мигалка, заливая все вокруг пульсиру-

ющим красным светом. Наверное, произошло ограбление. Этот район стал намного хуже с годами.

У ФэнЛэнда есть символ – пират по имени Пит, который изображен по всему парку – на билбордах и плакатах, предупреждающих о том, что нельзя разбрасывать мусор, и сообщающих о возрастных ограничениях для разных аттракционов. Первый, кого я вижу, войдя в открытые ворота парка, это мистер Уилкоккс; он отскребает жвачку с двенадцатифутовой фигуры Пирата Пита, приветствующей посетителей парка при входе. К плечу пирата в том месте, где, как я знаю, должен быть попугай, прикреплен большой сияющий знак: «ПРАЗДНУЕМ 75 ЛЕТ!!!»

– Ник! – Он замечает меня и поднимает руку над головой, чтобы помахать, как будто я не в четырнадцати футах от него, а в четырех сотнях. – Я так рад тебя видеть! Так рад! Добро пожаловать в ФэнЛэнд!

Он сжимает меня в объятиях прежде, чем я успеваю этому воспротивиться. От него пахнет машинным маслом и, как ни странно, мылом «Дав».

Два факта о мистере Уилкокксе: он всегда повторяет все дважды, и он явно пропустил пару лекций на тему сексуального домогательства. Не то чтобы он извращенец. Просто он очень любит обниматься.

– Привет, мистер Уилкоккс, – произношу я, но голос звучит приглушенно, так как мне приходится уткнуться в его лопатку размером со свиную рульку.

Наконец мне удастся извлечь себя из его объятий, но он продолжает держать руку на моей спине.

– Пожалуйста, – говорит он, лучезарно улыбаясь. – Здесь, в ФэнЛэнде, я просто Грег. Ты же будешь называть меня Грег, правда? Давай, давай. Давай-ка тебя переоденем. Я был так взволнован, когда твоя мама сказала, что ты вернулась в город и ищешь работу, просто ужасно взволнован.

Он ведет меня к маленькому желтому зданию, наполовину скрытому за стеной искусственных пальм в горшках, и открывает дверь одним из многочисленных ключей с массивного кольца, закрепленного у него на поясе. При этом он ни на секунду не умолкает и не перестает улыбаться.

– Вот они, ключики от дворца. Это наш главный офис. Ничего сверхъестественного, видишь ли, но вполне справляется со своей задачей. Если меня не видно в парке, я обычно здесь. Кстати, тут есть аптечка – на случай, если кто-то останется без пальца. Шучу, шучу! Но аптечка у нас правда есть.

Он жестом указывает на провисшие полки над письменным столом, где лежат чеки, рулоны билетиков на аттракционы и рисунки-каракули, в которых дети благодарят Пирата Пита за чудесный день.

– Только не трогай колу в холодильнике, не то Донна (это моя секретарша, ты вскоре с ней познакомишься) оторвет тебе голову. Остальную воду можешь брать. И если приносишь с собой ланч и не хочешь, чтобы он испортился, тебе сюда, – он хлопает по холодильнику, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. – То же самое с ценностями: телефон, кошелек, любовные письма... Шучу, шучу! Можешь запереть их здесь в начале смены, и они будут в полной безопасности. Ну, вот и разобрались. Набрось-ка это и можешь приступать.

«Этим» оказывается красная футболка с ухмыляющимся лицом пирата Пита, которое, скажу я вам, окажется прямо на моей левой груди.

– Добро пожаловать в команду! Туалеты – налево, за фотобудкой.

Я оставляю свою сумку и мистера Уилкоккса в главном офисе, а сама направляюсь в туалет, отмеченный знаком в виде деревянного попугая. Последний раз я была в ФэнЛэнде, когда мне было восемь или, может быть, девять, и почти все здесь теперь кажется мне незнакомым. Хотя вряд ли здесь что-то изменилось с тех пор, и, как только я вхожу в туалет, перед глазами

мелькает короткая вспышка воспоминаний: мы с Дарой, дрожащие и хихикающие после долгого дня на солнце, стоим здесь в мокрых купальниках, вода стекает на бетонный пол. Взявшись за руки пальцами, липкими от сладкой ваты, бежим впереди родителей, хлопая шлепками по мощенной дорожке.

На секунду грусть становится невыносимой, опустошительной. Я хочу вернуть мою семью. Я хочу вернуть мою Дару.

Я быстро меняю свою футболку на форменную, которая оказывается велика мне размера на три, и возвращаюсь в офис, где ждет мистер Уилкоккс.

– Ник, – вопит он, словно видит меня впервые, – классно выглядишь! Классно выглядишь!

Он обнимает меня за плечи и ведет по одной из тропинок, выходящих через парк, мимо фальшивых обломков корабля, новых пластиковых пальм и аттракционов с названиями типа «Плеск и всплеск» или «Доска». Я вижу других работников парка, их ярко-красная форма бросается в глаза. Они сметают листья с тротуара, меняют фильтры, выкрикивают друг другу инструкции, и у меня возникает странное ощущение, словно я оказалась за кулисами перед началом спектакля и вижу всех актеров загримированными лишь наполовину.

Затем Уилкоккс поднимает руку высоко в небо и машет, подзывая еще одну девушку. Она примерно моего роста и одета во все красное.

– Теннесон! Сюда! Теннесон! Тут свежее мясо для тебя! – Он разражается хохотом.

Девушка начинает трусить в нашу сторону, и Уилкоккс выдает еще одно объяснение:

– Теннесон – мой главный помощник. Точнее – помощница, конечно. Это ее четвертое лето в ФэнЛэнде. Все, что тебе нужно, спрашивай у нее. Если она чего-то не знает, значит, и тебе не нужно!

Издав очередной смешок, он представляет меня и удаляется, снова помахав рукой.

Девушка, похоже, наполовину азиатка. Ее длинные темные волосы заплетены в многочисленные косички, а под левым ухом красуется тату в виде улитки. Она похожа на кого-то, с кем наверняка была бы знакома Дара, не считая ее искренней улыбки и ярких глаз человека, который по-настоящему любит утро. Ее передние зубы немного выдаются вперед, отчего она нравится мне все больше.

– Эй, – говорит она, – добро пожаловать в ФэнЛэнд!

– Я уже слышала это раз двести, – отвечаю я.

– Ну да, – смеется она, – Грег, кажется, проявляет... слишком много энтузиазма по поводу новых сотрудников. Вообще-то по любому поводу. Я – Элис.

– Николь, – отвечаю я.

Мы жмем друг другу руки, хотя вряд ли она намного старше меня.

Лет двадцать максимум. Она жестом просит следовать за ней, мы поворачиваем направо и направляемся к «Бухте» – «сухой» части парка, где расположены все большие аттракционы, игровые автоматы и кафе.

– Обычно все называют меня Ник.

Ее лицо мгновенно меняется, едва уловимо, словно завеса опускается позади ее глаз.

– Ты... Ты – сестра Дары.

Я киваю. Она оборачивается ко мне с таким лицом, будто во рту у нее что-то очень кислое.

– Мне очень жаль, что случилась эта авария, – наконец выдавливают она.

Меня сразу бросает в жар, как и всегда, когда кто-то упоминает аварию. Словно я вошла в комнату, в которой все только что шептались обо мне: *«Нет, вы это слышали?»*

В защиту Элис скажу, что она явно жалеет о том, что затронула эту тему.

– Моя кузина учится в Сомервилле. Ну, и Джон Паркер...

От звука его имени, его полного имени, у меня в груди что-то... Я не думала о Паркере несколько месяцев. Или, может, старалась не думать. И никто никогда не называет его полным именем. Сколько я себя помню, он и его старший брат всегда звались Большим и Маленьким Паркерами. Даже его мама, миссис Паркер, зовет своих сыновей Паркерами.

Джон Паркер – это какой-то незнакомец.

– «Ну, и Джон Паркер» – что? – цитирую я.

Она не отвечает, но это уже и не нужно, так как в этот момент я вижу его. Он без рубашки. Рядом стоит ящик с инструментами, и Паркер возится с чем-то под ходовой частью «Банановой лодки» – аттракциона, который в соответствии со своим названием выглядит как огромный надувной банан с разноцветными боками.

Возможно, он услышал свое имя или почувствовал, что говорят о нем, или это просто совпадение, но в этот момент он поднимает глаза и видит меня. Я поднимаю руку, чтобы помахать ему, но замираю, когда замечаю выражение его лица: он, похоже, в ужасе, как будто увидел монстра или привидение.

Затем ко мне приходит понимание: наверное, он тоже винит во всем меня.

Элис продолжает болтать.

– ...поставила тебя сегодня в смену с Паркером. У меня чертова уйма работы перед открытием. Он покажет тебе тут все. А я, если что, поблизости.

Теперь нас с Паркером разделяют не больше десяти футов. Он ныряет под стальную балку, хватает свою футболку и вытирает ею лицо. С тех пор как я в последний раз видела его в марте, он, кажется, вырос еще дюйма на два и теперь возвышается надо мной, словно башня.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он.

Так как на нем нет футболки, я вижу круглое пятнышко на его плече, гладкий белый шрам в том месте, где он и Дара в первый год в старшей школе, напившись «Соузен Комфорт», пригнали себя сигаретами. Я тоже должна была это сделать, но в последнюю секунду струсила.

Я просто указываю на свою футболку.

– Работаю. Мама заставила.

– Уилкокс и до твоей мамы добрался, да? – Он по-прежнему не улыбается. – А я должен играть роль твоего гида? – произносит он.

– Видимо.

Все мое тело покалывает. Пот струится между грудей и стекает к резинке штанов. Многие годы Паркер был моим лучшим другом. Мы часами смотрели ужастики у него на диване, экспериментировали с шоколадом и попкорном в поисках лучшего способа их смешивания или брали напрокат зарубежные фильмы и отключали субтитры, чтобы самим придумывать сюжет. Мы переписывались на уроках, когда было скучно, пока Паркера не застукали и не отобрали телефон на неделю. Мы угнали скутер его старшего брата – я, Паркер и Дара. А потом нам пришлось бросить его и убежать в лес, когда нас остановил коп.

А потом, в прошлом декабре, что-то изменилось. Дара только порвала с очередным своим парнем, Грегом, или Джорджем, или Марком, или Майком – мне никогда не удавалось их запомнить, слишком быстро они появлялись и исчезали из ее жизни. И неожиданно она отправилась с Паркером на ночной сеанс в кино, надев короткие шортики и тонкую блузку, через которую просвечивало черное кружево ее лифчика. Потом я заметила их катающимися на скутере вдвоем в жуткий холод: ее руки крепко обнимают его спину, а голова запрокинута от смеха. А когда я входила в комнату, он резко отодвигался и бросал на меня виноватый взгляд, а она не спешила убирать длинную загорелую ногу с его бедра.

Неожиданно я оказалась третьей лишней.

– Слушай, – внезапно мне кажется, что в горле у меня песок, – я знаю, ты можешь злиться на меня...

– Злиться на тебя? – Он перебивает прежде, чем я успеваю закончить фразу. – Я считал, что это ты на меня злишься.

Я чувствую себя некомфортно в ярком свете, словно солнце – это огромный микроскоп, а я – букашка на стекле.

– С чего бы это?

Он отводит взгляд.

– После того, что случилось с Дарой...

Когда он произносит ее имя, оно звучит по-другому, кажется странным и необычным, словно сделанным из стекла. Я почти решаюсь спросить, встречаются ли они по-прежнему с Дарой, но тогда он поймет, что мы не разговариваем друг с другом. К тому же это не мое дело.

– Давай просто начнем все сначала, – предлагаю я. – Что ты об этом думаешь?

В конце концов он улыбается. Медленный процесс, начинающийся с его глаз и зажигающий их. Его глаза серые, но это самый теплый оттенок серого в мире. Как серое фланелевое одеяло, которое много раз стирали.

– Конечно, – отвечает он. – Да, я «за».

– Ну, так ты будешь моим гидом или как?

Я тянусь и шлепаю его по руке. Он смеется и притворяется, что ему больно.

– Только после вас, – говорит он, расшаркиваясь.

Паркер ведет меня по парку, попутно указывая на разные места, официальные и неофициальные, о которых мне нужно знать: Плавательное озеро (неформально известное как Писанный бассейн, где плещутся малыши в памперсах), Смертельный капкан, который, как утверждает Паркер, может однажды оправдать свое название, поскольку этот аттракцион, он уверен, никто не проверял с начала девяностых. Маленькая огражденная территория позади одного из буфетов, которые в парке почему-то называют «павильонами», где расположен хозяйственный блок; туда работники бегут покурить или поболтать между сменами. Он показывает мне, как измерять уровень хлора в Писаном бассейне. «*Всегда* добавляй чуть больше, чем положено. Если начнет жечь ресницы, поймешь, что переборщила». И как запускать сталкивающиеся лодочки.

К одиннадцати часам в парке полно народа: семьи с детьми, группы из летних лагерей и «завсегдатаи»: чаще всего пожилые люди с козырьками от солнца на голове, которые прогуливаются между аттракционами и сообщают непонятно кому о том, как изменился парк. Паркер знает многих из них по имени и всех приветствует теплой улыбкой.

В обед Паркер знакомит меня с Принцессой – ее настоящее имя Ширли, но Паркер предупреждает меня, чтобы я никогда ее так не называла – пожилой блондинкой, которая держит одну из закусовых, ой, простите, один из *павильонов*, и, очевидно, втрескалась в Паркера. Она дарит ему пачку чипсов, а мне – убийственный взгляд.

– Она со всеми такая милая? – спрашиваю я, когда мы с Паркером выносим наши хот-доги и газировку, чтобы перекусить в тени Чертова колеса.

– Ну, Принцессой просто так никто звать не будет, – отвечает Паркер и улыбается.

Каждый раз, когда он улыбается, его нос морщится. Паркер раньше говорил, что его нос просто не хочет оставаться в стороне от веселья.

– Она отгадывает со временем. Знаешь, она ведь здесь почти с самого начала.

– С самого начала?!

Он сосредотачивается на маленькой упаковке релиша⁷, пытаясь извлечь зеленую массу из пластика большим пальцем.

– 29 июля 1940-го. День открытия. А Ширли присоединилась в пятидесятых.

⁷ Релиш – овощной соус для мясных и рыбных блюд (прим. ред.).

29 июля – день рождения Дары. В этом году ФэнЛэнд отпразднует семидесятипятилетие в день, когда ей исполнится семнадцать. Если Паркер и уловил связь, он промолчал. У меня тоже нет желания указывать на это.

– Все еще ешь инопланетную муть? – говорю я, указывая подбородком на релиш.

Он притворяется обиженным.

– Лё муть. Она не инопланетная, она французская.

После обеда все сливается в бесконечный круговорот: собираю мусор, меняю мусорные мешки, разбираюсь с пятилетним мальчишкой, который каким-то образом отстал от своей группы и теперь стоит и рыдает под погнувшимся знаком, указывающим дорогу к «Кораблю-призраку». Кого-то вырвало на «Торнадо», и Паркер сообщает мне, что – раз я новенькая – убирать мне... а потом делает всю работу сам.

Но есть и веселые моменты: кататься на «Альбатросе», чтобы понять, залипают ли передачи, мыть карусели промышленным шлангом, где напор воды такой сильный, что я с трудом могу удержать его в руках, болтать в перерывах с Паркером про других ребят из ФэнЛэнда, кто кого ненавидит, кто с кем встречается, расстанется и снова сходится.

В конце концов я узнаю, почему в этом году в ФэнЛэнде не хватает персонала.

– В общем, был тут такой чувак, Донаван, – начинает рассказывать Паркер в перерыве между сменами, когда мы сидим в тени огромной искусственной пальмы. Параллельно он отмахивается от мух. Руки постоянно в движении. Он похож на бейсболиста, передающего таинственные сигналы товарищу по команде: рука к носу, потянул за ухо, провел по волосам. Правда, для меня эти сигналы ясны. Я знаю, что означает каждый из них, счастлив он или расстроен, подавлен или встревожен. Голоден, съел слишком много сладкого или мало спал.

– Это имя или фамилия? – перебиваю я.

– Интересный вопрос. Точно не знаю. Все звали его просто Донаван. Так или иначе, он проработал в ФэнЛэнде целую вечность. Намного дольше, чем Уилкокс. Знал весь парк вдоль и поперек, все его любили, он отлично ладил с детьми...

– Подожди... Он серьезно работал здесь дольше, чем Уилкокс?

– Да. И хватит перебивать. Короче, он был отличным парнем, ясно? По крайней мере, все так думали.

Паркер делает драматическую паузу, намеренно заставляя меня ждать.

– И что случилось потом? – спрашиваю я.

– Пару недель назад к нему вломились копы. – Он поднимает одну бровь. У Паркера очень густые черные брови, как будто среди его далеких предков были вампиры. – Выясняется, что он, в общем, педофил. У него в компьютере около сотни фотографий старшеклассниц. Это была какая-то нереальная полицейская операция. Они выслеживали его несколько месяцев.

– Невероятно. И никто ни о чем не подозревал?

Паркер качает головой.

– Понятия не имею. Я видел его всего пару раз, и он казался вполне нормальным. Все, как у всех, тренировал детей из футбольной команды, жаловался на ставки по кредитам.

– Отстойно, – говорю я. Вспоминаю, как много лет назад в воскресной школе нам рассказывали про печать Каина, и думаю, что это не так уж плохо. Было бы очень удобно сразу видеть, что с людьми не так, если бы они носили свидетельства своих болезней и преступлений на коже, словно тату.

– Полный отстой, – соглашается он.

Мы не разговариваем об аварии, о Даре и вообще о прошлом. Внезапно я понимаю, что уже три часа, а значит, моя первая смена на новой работе окончена. И это было не так уж невыносимо.

Паркер провожает меня до офиса, где мистер Уилкокс и симпатичная темнокожая женщина, как я понимаю, та самая Донна, которая владеет запасами колы, в простом и добродуш-

ном тоне спорят относительно дополнительной охраны на празднике в честь годовщины парка. Ясно, что эти двое спорят уже много лет, хотя в действительности ни разу не были друг с другом не согласны. Уилкоккс ненадолго прерывается, чтобы отвесить мне сердечный шлепок по спине.

– Ник? Довольна своим первым днем? Конечно, довольна! Лучшее место на Земле. Увидимся завтра, с утра пораньше!

Я забираю свой рюкзак, а когда возвращаюсь на солнце, меня там ждет Паркер. Он сменил футболку и держит свою красную униформу под мышкой. От него пахнет мылом и чистой кожей.

– Я рада, что мы работаем вместе, – говорю я, когда мы подходим к парковке, все еще забитой машинами и автобусами.

ФэнЛэнд открыт до десяти вечера. Паркер говорит, вечерние посетители совсем другие: моложе, более буйные, более непредсказуемые. Однажды, по его рассказам, он застукал парочку, занимающуюся сексом на Чертовом колесе, а в другой раз обнаружил в мужском туалете девчонку, вдыхающую с края раковины кокаин.

– Не уверена, что смогла бы выдержать Уилкоккса в одиночку, – быстро добавляю я, потому что Паркер как-то странно на меня смотрит.

– Да, – отвечает он, – да, я тоже...

Паркер подбрасывает свои ключи вверх на несколько дюймов и снова ловит.

– Ну что? Подвезти тебя домой? Думаю, моя колесница скучает по тебе.

При виде его машины, такой знакомой, где все напоминает о нем, в моей голове вспыхивает воспоминание: запотевшее лобовое стекло, по которому стекают капли дождя, тепло тела, виноватое лицо Паркера и холодный жесткий торжествующий взгляд Дары, словно эти глаза – глаза незнакомки.

– Нет, спасибо, я сама, – быстро отвечаю я.

– Уверена? – Он распахивает водительскую дверь.

– Я на машине Дары. – Слова вырываются раньше, чем я успеваю их обдумать.

– Вот как? – Паркер выглядит удивленным. Я рада, что парковка заполнена. Так моя ложь, по крайней мере, неочевидна. – Тогда ладно. Ну... думаю, завтра увидимся.

– Да, – отвечаю я, отгоняя еще одно воспоминание той ночи, возникшее глубоко внутри ощущение того, что все изменилось и между нами тремя все уже никогда не будет по-прежнему. – Увидимся.

Я разворачиваюсь и собираюсь уйти (петляя так, чтобы Паркер не понял, что я направляюсь к автобусной остановке), когда он останавливает меня.

– Слушай, – говорит Паркер торопливо, – сегодня вечеринка в «Пивнушке». Ты должна прийти. Будет очень скромно, – продолжает он, – максимум человек двадцать. Но приводи с собой кого хочешь.

Последние слова он произносит забавным голосом, немного сдавленным. Может быть, это намек, и он хочет, чтобы я привела с собой Дару. В следующую секунду я уже ненавижу себя за это предположение. До того как они начали встречаться, между нами никогда не было ничего подобного.

Но Дара разрушила и это – просто потому, что она так захотела. Это была просто очередная ее прихоть, блажь, причуда. *«Он такой сексуальный»*. Я помню, как она внезапно произнесла это однажды утром, когда мы все перешли дорогу и расположились в парке Аппер Ричис, чтобы посмотреть его игру в Алтимат фризби. *«Ты когда-нибудь замечала, какой он невероятно сексуальный?»* Мы смотрим, как он бежит по полю, вытянув руку, стремясь поймать ярко-красный диск. Мальчик, которого я знала всю жизнь, в одночасье изменился в моих глазах из-за слов, сказанных Дарой.

Еще я помню, как смотрела на нее и думала, что и она тоже выглядит незнакомкой – со своими волосами (в то время светлыми, с фиолетовыми прядями), толстым слоем угольно-

черных теней на веках и красными губами, обведенными карандашом так, чтобы они казались полнее, в ультракоротких шортах, открывающих бесконечные ноги. Как могла моя Дара, мой «маленький цыпленочек», мой «носик-кнопочка», которая становилась на мои пальцы и крепко обнимала меня за плечи, так что мы могли притворяться единым целым, ковыляя по гостинной, превратиться в кого-то, кто употребляет слово «сексуальный», в кого-то, кого я едва узнаю и даже боюсь?

– Будет, как в старые времена, – говорит Паркер, и я чувствую сильную боль в груди, отчаянное желание вернуть нечто, давно утраченное.

– Да. Может быть. Я дам тебе знать, – лгу я.

Я смотрю, как он садится в машину, машет на прощанье рукой и уезжает, широко улыбаясь. Делаю вид, что ищу ключи от машины в сумке, а затем иду через парковку ждать свой автобус.

До

Ник, 9 февраля

– Оу.

Я открываю глаза и изо всех сил моргаю. Лицо Дары с этого ракурса кажется большим, словно луна, если бы луна была изображена в сумасшедших красках: угольно-черные тени для век, серебристая подводка, большой красный рот, словно горячая лава.

– Ты меня толкаешь.

– А ты ерзаешь. Закрой глаза. – Она держит меня за подбородок и легко дует на веки. От нее пахнет ванильным «Столи».

– Ну вот. Готово. Смотри.

Я поднимаюсь с унитаза, на который она меня усадила, и встаю перед зеркалом рядом с ней.

– Теперь мы как близнецы, – радостно говорит Дара и кладет голову на мое плечо.

– Едва ли, – отвечаю я. – Я выгляжу как трансвестит.

Я уже жалею, что разрешила Даре сделать мне макияж. Обычно я пользуюсь «Чепстиком» и тушью, и то только для особых случаев. Теперь я чувствую себя ребенком в безумном карнавальном гриме.

Но самое забавное то, что в целом мы с Дарой *действительно* похожи. И все же, если она выглядит утонченной, стройной и симпатичной, я смотрюсь тяжеловато и плоско. Наши волосы имеют одинаковый неопределенный коричневатый цвет, но ее сейчас выкрашены в угольно-черный (как у Клеопатры, так она считает), а до этого были уже платиновыми, рыжими и даже – совсем недолго – фиолетовыми. У нас одинаковые ореховые глаза, широко расставленные. Одинаковые носы, хотя мой немного искривлен в том месте, куда Паркер зарядил мне мячом в третьем классе. На самом деле я немного выше, чем Дара, но догадаться об этом невозможно. Сейчас она в сапогах на умопомрачительной платформе и в просвечивающем платье, демонстрирующем контуры ее нижнего белья. Плюс колготки в черно-белую полоску, которые на ком-то другом смотрелись бы по-идиотски. А на мне то же, что я всегда надеваю на танцы в День Отцов-основателей: топ, узкие джинсы и удобные ботинки.

Вот главное, что можно сказать о нас с Дарой: мы одинаковые и в то же время – совершенно непохожие. Как солнце и луна, настоящая звезда и звезда морская: имеющие общие черты, конечно, но одновременно целиком и полностью разные. И светит всегда именно Дара.

– Ты такая красивая, – говорит Дара, потягиваясь. На краю раковины начинает вибрировать ее телефон и прежде, чем умолкнуть, делает пол-оборота по направлению к стакану с зубными щетками. – Ари, скажи?

– Красивая, – подтверждает Ариана, не поднимая глаз.

У нее длинные и волнистые светлые волосы и телосложение, как из рекламы средства для мытья «Швейцарские Альпы», из-за чего ее колечки в носу и в языке и небольшая сережка под левой бровью кажутся неуместными. Она примостилась на краю ванны и потягивает теплую водку с апельсиновым соком. Делает глоток и выразительно крикает.

– Слишком крепкая? – спрашивает Дара, изображая невинность. Телефон снова начинает звонить, и она быстро дает отбой.

– Нет, в самый раз, – саркастически отвечает Ариана и делает еще один глоток, – мне как раз пришла идея сжечь, на хрен, свои гланды. Кому они нужны?

– Всегда пожалуйста, – отвечает Дара и тянется за стаканом. Сделав большой глоток, она передает его мне.

– Нет, спасибо, – говорю я, – пожалуй, поберегу свои гланды.

– Ну давай же. – Дара обнимает меня за плечо. На каблуках она даже выше моих 5,7 дюйма. – Сегодня же День Отцов-основателей.

Ариана поднимается, чтобы забрать стаканчик. Ей приходится прокладывать путь среди разбросанных по полу ванной лифчиков, платьев и топов, которые были отвергнуты в процессе выбора нарядов.

– День Отцов-основателей, – повторяет она, подражая голосу нашего директора. Мистер О'Тенри не только наблюдает за танцами каждый год, но и принимает участие в отстойной исторической реконструкции битвы при Монумент Хил, после которой первые британские поселенцы провозгласили всю территорию к западу от Саскавачи частью Британской империи. Мне кажется, это немного политически неэтично, каждый год изображать расправу над индейским племенем чероки, ну да ладно. – Самый важный день в году, крупнейшая веха в нашей истории, – заканчивает Ариана, подняв в воздух свой стаканчик.

– Послушайте, послушайте, – говорит Дара, делая вид, что пьет из фужера, оттопыривая мизинец.

– Надо было им назвать этот праздник Днем Полной Жопы, – говорит Ариана своим нормальным голосом.

– Не звучит, – отвечаю я, и Дара хихикает.

Триста лет назад колонизаторы-первопроходцы искали реку Гудзон и решили, что нашли ее, но вместо этого по незнанию осели на берегах Саскавачи и основали город, который позднее стал Сомервиллем, в пяти сотнях миль от своего первоначального пункта назначения. В какой-то момент они, должно быть, осознали свою ошибку, но уже пустили корни слишком глубоко, чтобы что-то менять. Здесь скрыта одна метафора. В этом и заключается вся наша жизнь: в конце концов ты оказываешься вовсе не там, куда направлялся, и нужно научиться радоваться тому, что имеешь.

– Арон с катушек съедет, когда увидит тебя, – говорит Дара. У нее есть необъяснимая способность выдергивать мысли из моей головы и заканчивать их, словно она распускает какой-то невидимый свитер. – Один взгляд на тебя, и он напрочь забудет про свою секту.

Ариана прыскает.

– В последний раз говорю, – начинаю я, – Арон не состоит ни в какой секте.

С тех пор как Арон был выбран на роль Иисуса в нашей рождественской пьесе (*в первом классе*), Дара уверена, что он религиозный фанатик и поклялся хранить девственность до свадьбы. Это убеждение в ее голове подкрепляется еще и тем фактом, что мы вместе уже два месяца, но так и не продвинулись дальше «второй базы».

Думаю, ей даже не приходило в голову, что проблема может быть во мне.

Когда я думаю о нем, о его длинных темных волосах, о том, как от него всегда немного пахнет жареным миндалем, даже после игры в баскетбол, что-то сжимается у меня в животе, наполовину больно, наполовину приятно. Я люблю Арона. Люблю.

Просто недостаточно сильно.

Мобильник Дары снова начинает вибрировать. На этот раз она хватается за него и со вздохом убирает в маленькую сумочку с рисунком крошечных черепов.

– Это тот парень, который... – начинает Ариана, но Дара быстро шикает на нее.

– Что? – Я оборачиваюсь к сестре, чтобы развеять внезапно возникшие подозрения. – Что за большой секрет?

– Ничего, – отвечает она, бросая на Ариану суровый взгляд.

А потом оборачивается ко мне, улыбаясь. Такая красивая. Девушка, которой хочешь верить, за которой хочешь следовать. Девушка, в которую хочешь влюбиться.

– Пошли, – говорит она, стискивая мою руку до боли в пальцах, – Паркер ждет.

Внизу Дара заставляет меня помочь Ариане прикончить последние пару глотков ее коктейля, отвратительно теплого и полного мягкости, зато, по крайней мере, в груди у меня разливается тепло и настроение улучшается.

Затем Дара открывает маленькую металлическую коробочку и достает оттуда круглую белую таблетку. Мгновенно мое хорошее настроение исчезает.

– Хочешь? – спрашивает она, поворачиваясь ко мне.

– Что *это* такое? – спрашиваю я, хотя Ариана тоже протягивает руку за таблеткой.

Дара закатывает глаза.

– Мятные пастилки, глупышка.

Она показывает мне язык, и я вижу, как на нем медленно тает мятное драже.

– И поверь, тебе они тоже нужны.

– Да, точно, – соглашаюсь я, но руку не протягиваю. Приятное тепло возвращается.

Дара, Паркер и я всегда вместе ходили на День Отцов-основателей. Даже в средней школе, когда вместо танцев ставят кучу каких-то странных сценок. В последние несколько лет за нами увязывалась и Ариана.

Ну и что с того, если между Паркером и Дарой теперь что-то есть? Что с того, что я стала третьим лишним? Что с того, что мы с Паркером ни разу не разговаривали по-настоящему с тех пор, как они начали встречаться? Что с того, что мой друг, кажется, напрочь забыл о моем существовании?

Мелочи.

Мы не можем сократить путь, потому что Даре и Ариане не пройти через посадку на каблуках. К тому же Ариана хочет выкурить сигарету и утверждает, что это необходимо, чтобы перебить запах сандалового дерева. На улице нереально тепло, и подтаявший лед скользит с деревьев вниз в водосток, мягкий снег шлепается с крыш, а воздух наполняет особенный запах: обещание скорой весны, хотя и обманчивое. На следующую неделю передают новые снегопады. Но сейчас на мне только легкая куртка, позади шагает смеющаяся подвыпившая Дара, и мы направляемся к дому Паркера, как в старые добрые времена.

Каждый шаг пробуждает новые воспоминания. Вот с этой старой сосны однажды сорвался Паркер, когда мы с ним поспорили, кто из нас сможет забраться выше. Он сломал руку и целое лето не мог плавать. А я соорудила себе гипс из бумажных полотенец и изоленты и все лето носила его из солидарности. Олд Хикори Лейн – улица, на которой живет Паркер, – была нашим любимым местом для сбора сладостей в праздники, потому что миссис Ханрахан никогда не забывала детей в лицо и выдавала нам «Сникерсы», даже если мы звонили в ее дверь три, четыре или пять раз подряд. Полоска леса, где, как мы убедили Дару, живут феи, которые могут украсть ее и унести в ужасный подземный мир, если она не будет нас слушаться. Круги нашего взросления все расширяются, словно кольца на дереве, отсчитывающие время.

А может быть, мы движемся от внешних кругов в центр, к самым основам, к корням, к сердцевине. Потому что по мере того как мы приближаемся к дому Паркера, воспоминания становятся все ярче и приходят все быстрее. Летние ночи, игры в снежки, и наши жизни, тесно переплетенные. Мы уже стоим на пороге. Паркер открывает дверь, из-за его спины льется теплый свет. Вот мы и на месте. В самом центре.

Паркер надел рубашку с пуговицами на воротнике, из-под нее торчит футболка. А еще на нем джинсы и старые голубые кеды, покрытые закорючками и надписями. «Ник самая лучшая самая вонючая самая лучшая» написано над левой подошвой шариковой ручкой.

– Мои самые лучшие девочки, – произносит он, раскрывая объятия.

И на секунду, когда наши глаза встречаются, я забываю и подаюсь ему навстречу.

– Ну и жара, – говорит Дара, проходя мимо меня.

И я вспоминаю. И я быстро делаю шаг назад, отворачиваясь, чтобы позволить ей первой подойти к нему.

После

Дара, 20 июля

«Ты идешь на вечеринку в «Пивнушке»? Паркер рассказал мне о ней».

Эти слова написаны на кремовом листочке, просунутом под мою дверь, который я замечаю, как только выхожу из душа. Ник – единственный человек моложе ста лет, кто пользуется этими листочками, а ее почерк такой аккуратный, что каждая буква кажется маленьким шедевром архитектуры. Мой почерк выглядит так, будто Перкинс проглотил алфавит, а потом его вырвало на страницу.

Я падаю, морщась от внезапной резкой боли в позвоночнике, комкаю бумажку и бросаю в направлении мусорной корзины. Записка ударяется о край и падает в кучу грязных футболок.

Я натягиваю майку со штанами, беру компьютер и забираюсь на кровать. Быстро закрываю всплывающую страницу Фейсбука, успев краем глаза заметить сообщения на моей стене, так и оставшиеся без ответа: «мы скучаем по тебе», «думаем о тебе», «мы так тебя любим».

Я ничего не писала на своей странице со дня аварии. Зачем? Что я могу сказать?

Сейчас Дара _____ скучает до слез в одиночестве в субботу вечером.

Сейчас Дара _____ безнадежно боится жить

Сейчас Дара _____ наконец может сгибать колени, как нормальные люди!

Я захожу на Ютуб, продолжая думать о Паркере, вспоминать его лицо, как он жмурится от света, отражающегося в лобовом стекле. Его ногти, аккуратно подстриженные, какие и должны быть у парня. Его брови, густые и темные. Все остальные в его семье светлокожие и светловолосые, словно родом из Норвегии, словно всю жизнь ловили сельдь в открытом океане, и от этого темные волосы и оливковая кожа Паркера нравятся мне еще больше. Как будто это какая-то ошибка.

Внезапно идея провести еще один вечер дома за просмотром глупых видео и перешелкиванием каналов кажется мне невыносимой. Во мне просыпается прежняя жажда, жар между лопатками, словно мое тело решило отрастить крылья и унести меня прочь.

Мне нужно выйти. Нужно доказать, что я не боюсь увидеться с ним или с моими старыми друзьями – с кем угодно. Ник я тоже не боюсь. Из-за нее я теперь чувствую себя так, будто я сломана. Каждый раз, когда я слышу ее ритмичную музыку внизу (инди-поп, сияющая и радостная музыка, ведь у Ник не бывает депрессий) или когда она зовет маму, чтобы помочь найти ее любимые джинсы. Каждый раз, когда я вхожу в ванную, а там все еще мокро и пахнет «Нейтроджиной». Когда я вижу ее беговые кроссовки на лестнице или нахожу в своем стиральном белье ее футболку для игры в хоккей на траве – она могла бы с таким же успехом вбивать в землю кол. Город: Нормальный. Население: 1 человек.

Возможно, она всегда вызывала во мне это чувство, но признать это я смогла только после аварии.

Я натягиваю свои лучшие узкие джинсы и удивляюсь тому, как они сидят. Как ни странно, хоть я и пробыла дома, я, похоже, похудела. Но в украшенном стразами топе и в любимых тяжелых ботинках я выгляжу неплохо, особенно издалека.

Спускаясь в ванную, я вижу, что дверь Ник все еще закрыта. Прислоняюсь к ней ухом, но ничего не слышу. Возможно, она уже ушла на вечеринку. Я представляю, как она смеется, стоя рядом с Паркером. Возможно, они соревнуются, кто дальше забросит свою банку от пива.

Мой мозг выдает целую серию воспоминаний о времени, проведенном вместе: я на трехколесном велосипеде изо всех сил стараюсь угнаться за Паркером и Ник, крутящими педали

на своих новеньких сияющих двухколесниках; я наблюдаю с бортика бассейна за тем, как они играют в мяч, – слишком маленькая, чтобы присоединиться к ним; Ник и Паркер хохочут над своей особой шуткой, которую я не в состоянии понять.

Иногда мне даже кажется, что я вовсе и не влюблялась в Паркера. Иногда мне кажется, что все это было из-за Ник. Чтобы в конце концов доказать ей, что я могу быть наравне с ней.

Внизу, на кухне, мама разговаривает по телефону (видимо, с тетей Джекки). Кроме нее, мама никому не звонит. За ее спиной почти беззвучно работает телевизор, и меня подбрасывает, когда на экране появляется знакомый отрезок шоссе, недалеко от того места, где Ник едва не убила нас, въехав в участок скалы. В этом месте полно копов, как, видимо, было и после нашей аварии. Картину довершают мигалки и сирены, придавая происходящему сходство с фильмом ужасов. По нижней части экрана бегут слова: «Полиция развернула масштабные поиски девятилетней...»

– Да, конечно. Мы ожидали периода адаптации, но...

Мама прерывается, когда замечает меня. Она указывает на упаковку с лазаньей «Стау-фер» на кухонном столе и на микроволновку, беззвучно спрашивая: «Ужин?» В наступившей тишине я могу расслышать голос диктора: «Полицейские ищут свидетелей и улики исчезновения Мэдлин Сноу, которая пропала в воскресенье ночью...» Я отрицательно качаю головой, и она отворачивается. Голос стихает, по мере того как она удаляется.

– Но я держусь. Дом снова становится похожим на тот, каким он был прежде.

Я выключаю телевизор и, выходя из дома, захватываю любимое худи Ник, в котором она обычно играет в хоккей на траве. Хоть мода на них и прошла еще в середине девяностых, капюшон поможет мне скрыть шрамы. Кроме того, меня волнует сама возможность носить одежду сестры без спроса, как будто вместе с ней я могу натянуть на себя и другую личность. Кофта все еще хранит запах Ник – это не духи, она никогда ими не пользуется, а кокосовый шампунь и некий неопределенный аромат чистоты, свежего воздуха и спортивных достижений.

Надвинув капюшон и завязав его под подбородком, я ступаю по скользкой траве, наслаждаясь влажными прикосновениями к своим лодыжкам, и чувствую, как роса пропитывает мои джинсы. Я чувствую себя грабителем или тайным агентом на задании. Моя машина заблокирована маминной «Субару», но я не хочу просить ее отъехать, ведь это вызовет кучу лишних вопросов и озадаченных пытливых взглядов. Я даже не уверена, что она вообще согласится. С момента аварии она наложила запрет на вождение.

Я вывожу из гаража свой древний велик, на котором не каталась уже сто лет. Только раз, года два назад, в шутку, когда мы с Арианой наелись грибов и Ник обнаружила нас, бьющимися в траве, словно рыбы, и задыхающимися от смеха. Сначала я чувствую себя немного неуверенно, но довольно скоро обретаю равновесие. Мои колени досаждают мне, но не больше, чем обычно. Тем более «Пивнушка» всего в паре миль.

«Пивнушкой» на самом деле называют реку Саскавачи. В прошлом десятилетии, когда в наш округ хлынули риелторы и спекулянты, словно армия помешанной на деньгах саранчи, было решено вырубить лес и построить вдоль берега в самом центре Сомервилля аккуратный ряд магазинов, кофеен, картинных галерей, дорогих ресторанов.

План был одобрен, и материалы доставлены, но жители взбунтовались. Видимо, для исторического города угроза появления новых зданий, новых парковок и машин, везущих волну новых людей, оказалась слишком серьезной. Сомервилльцам удалось добиться того, чтобы вся территория к западу от реки получила статус национального парка. Странно, что городской совет до сих пор не обязал нас носить юбки с кринолинами.

Видимо, кто-то должен был убрать горы гравия и бетона. Но никто так и не соизволил это сделать. Осталась даже каска, которую народ, тусующийся здесь, почему-то сохранил.

Я слышу звуки вечеринки, как только сворачиваю с дороги в лес на тропинку. Ее проложили подростки с велосипедами (а Крис Хэндлер даже проезжал здесь на вездеходе), ошива-

ющиеся тут каждую пятницу. В лесу воздух прохладнее, а мокрые листья шлепают по моим икрам и бедрам, пока я пробираюсь вглубь, крепко сжимая ручки велосипеда, чтобы не вылететь из седла. Вскоре я различаю за деревьями огоньки – люди передвигаются, используя свои телефоны вместо фонариков. Тогда я слезаю с велосипеда и оставляю его в траве, рядом с другим двухколесным транспортом.

Вечеринка довольно большая: сорок или пятьдесят человек, большинство из них укрылись в тени, сидя на кусках бетонных конструкций или гуляя у реки. Пока еще никто меня не видит, и на секунду меня охватывает паника, словно снова я маленькая девочка в свой самый первый день в школе, наблюдающая, как огромный поток детей проходит через двойные двери. Я так давно уже не чувствовала себя аутсайдером.

– Не понимаю, почему тебе все время нужно быть в центре внимания, – сказала мне Ник как-то раз, незадолго до аварии. В тот момент я втискивалась в кожаные штаны, которые купила и спрятала от родителей под грудой свитеров в самом дальнем углу своего шкафа.

– А я не понимаю, почему ты так боишься, что тебя заметят, – ответила я.

Похоже, Ник черпает силы в том, чтобы выглядеть полностью и безоговорочно правильно: симпатичные джинсы, узкие, но не слишком обтягивающие, белая футболка, тонкая, но не прозрачная, и ровно столько макияжа, чтобы казалось, что его вовсе нет. Уверена, что, если бы в Сомервилле действительно постановили носить юбки с кринолином, она бы первая поддержала это новшество и приобрела себе такую. И наверняка добавила бы от себя еще пару панталон с рюшками.

Я не вижу ни сестру, ни Паркера. Но, когда толпа немного расходится, замечаю бочонок с пивом и красные стаканчики, сложенные в стопку на льду.

Я наливаю себе пива, и хотя по большей части в стакане только пена, после него я чувствую себя намного лучше, снова становлюсь собой. Первая пара глотков притупляет мое беспокойство. К тому же здесь так темно, что я даже могу снять капюшон и освободить волосы. Я замечаю Девис Кристенсен и Марка О'Брайена, которые стоят в толпе, сцепившись мизинцами. Оба замечают меня одновременно, и рот Марка, округляясь от удивления, превращается в букву «О». Девис что-то шепчет ему, а потом поднимает свой стаканчик.

Я допиваю пиво, поворачиваюсь к бочонку и наливаю еще. Когда я снова поднимаю глаза, передо мной, вынырнув из толпы, материализуется Ариана. Ее волосы коротко подстрижены. В своих черных шортах и кедах на платформе, с густо подведенными глазами она похожа на испуганного эльфа. Внезапно я чувствую острую боль. Моя лучшая подруга.

Моя *бывшая* лучшая подруга.

– Вау. – Ариана уставилась на меня, будто я новый, неизвестный науке вид животного. – Не ожидала тебя здесь увидеть. Не ожидала увидеть тебя на *вечеринке*.

– Меня Шерон заперла, – отвечаю я, потому что не хочу углубляться в эту тему.

Это наша старая шутка, что моя мама – тюремщик, поэтому я жду, что Ариана засмеется. Но вместо этого она просто быстро кивает, как будто я сказала что-то интересное.

– Как мама? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Так же. Вышла на работу.

– Хорошо. – Ариана продолжает кивать. Она слегка смахивает на марионетку, чьи ниточки натянуты слишком сильно. – Это очень хорошо.

Я делаю еще один глоток пива. Пена закончилась, и я наконец добираюсь до горьковатой согревающей жидкости. Теперь я замечаю, что мое присутствие внесло некоторое беспокойство. Новость о моем приходе, словно рябь на воде, передается от группы к группе. Разные люди оборачиваются, чтобы посмотреть на меня. Когда-то я совсем не возражала против такого внимания, даже наслаждалась им. Но теперь я чувствую волнение, чувствую, что меня

оценивают, словно я на контрольной. Может, это толстовка Ник так на меня влияет, может, часть ее неуверенности в себе передалась мне, проникнув прямо через кожу.

– Слушай. – Ариана делает шаг мне навстречу и говорит быстро и тихо. Она тяжело дышит, как будто каждое слово стоит ей физических усилий. – Я хочу сказать, что мне очень жаль. Я должна была быть рядом с тобой. После аварии я должна была... или сделать хоть что-нибудь, но я не смогла, точнее, я не знала, что делать...

– Не переживай, – отвечаю я и делаю шаг назад. Глаза Арианы умоляюще распахнуты, словно у маленького ребенка. Внезапно я чувствую отвращение. – Ты ничем не могла помочь. Ариана выдыхает с явным облегчением.

– Если тебе что-нибудь нужно...

– Я в порядке, – быстро отвечаю я. – Мы в порядке.

Я уже жалею о том, что пришла. Хотя я и не различаю лиц в темноте, я чувствую, как все пляшут на меня. Натягиваю капюшон, чтобы быть уверенной, что мои шрамы скрыты.

Затем толпа вновь раздвигается, и я вижу Паркера. Он перепрыгивает через кусок бетона и подходит ко мне с широкой улыбкой на лице. Внезапно меня посещает острое желание бежать, но в то же время не могу пошевелиться. На нем старая потрепанная футболка, на которой все еще различим логотип одного кемпинга. Наши семьи провели там не одно лето вместе. Ну, хоть Ариана исчезла.

– Привет, – говорит Паркер, спрыгивая со старого бордюра прямо передо мной. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

«Конечно, ты же меня сюда не приглашал», – едва не произношу я. Но это означало бы признать, что мне не все равно. Могло бы даже показаться, что я ревную из-за того, что он пригласил Ник. По той же самой причине я *отказываюсь*, я не буду спрашивать, где она.

– Мне захотелось выйти из дома, – отвечаю я вместо этого.

Засовываю свободную руку в карман толстовки Ник, а второй с такой силой стискиваю свой стаканчик, что костяшки пальцев белеют.

– Итак, ФэнЛэнд, да?

Он ухмыляется, и это меня раздражает. Он слишком спокойный, слишком радостный по сравнению с тем Паркером, который вчера остановился, чтобы поговорить со мной, странным и жестким Паркером, который даже не вылез из машины, чтобы меня обнять. Не хочу, чтобы он думал, что мы теперь будем лучшими друзьями просто из-за того, что я появилась в «Пивнушке».

– Да, в ФэнЛэнде неплохо, – говорит он. Его зубы сияют белизной. Он стоит так близко, что я чувствую его запах. Я могла бы просто преодолеть шесть дюймов и положить щеку на мягкую ткань его футболки. – Хотя они немножко перебарщивают с энтузиазмом.

– С энтузиазмом? – переспрашиваю я.

– Ну, типа, «Повеяло молодостью», «Выпей яду» и все в этом духе, – Паркер поднимает кулак. – ФэнЛэнд, вперед!

Хорошо, что Паркер всегда был не от мира сего. Иначе он стал бы дико популярен. Я смотрю в сторону.

– Однажды моя сестра там чуть не утонула, пытаясь встать на доску в бассейне с искусственными волнами, – я не уточняю, что это я уговорила ее влезть на эту доску после того, как она уговорила меня скатиться с водной горки головой вниз.

– Похоже на нее, – отвечает Паркер, смеясь.

Я оглядываюсь и делаю еще один глоток пива. Стоять так близко и видеть такие знакомые черты его лица: нос, слегка искривленный и с едва заметным шрамом в том месте, где он врезался им в локоть другого парня во время игры во фризби, его щеки, ресницы, длинные, почти как у девчонки. От этого мой желудок сжимается.

– Послушай, – Паркер касается моего локтя, и я отодвигаюсь, – я правда очень рад, что ты пришла. Мы так ни разу и не поговорили по-настоящему о том, что произошло.

«Ты разбил мое сердце. Я влюбилась в тебя, а ты разбил мое сердце. Точка. Конец истории».

Я чувствую, как мое сердце сжимается и разжимается в груди, словно ладонь, которая пытается что-то сжать в кулак. Это все поездка на велосипеде. Я все еще слишком слаба.

– Не сегодня, ладно? – Я выдавливаю из себя улыбку. Не хочу слушать, как Паркер извиняется за то, что не любит меня. Это будет даже хуже, чем сам факт. – Я пришла сюда развеяться.

Улыбка Паркера меркнет.

– Да, ок, – говорит он, – понимаю.

Он толкает мой стаканчик своим.

– Тогда как насчет добавки?

В толпе я замечаю Арона Ли, парня, с которым Ник встречалась некоторое время перед аварией. Симпатичный парень, очень приличный – в общем, безнадежный придурок. Его глаза загораются, и он машет, подняв руку, словно подзывая такси. Должно быть, он думает, что со мной пришла Ник.

– Мне хватит, – отвечаю я. Сегодня пиво на меня не действует, не приносит обычного ощущения тепла. Вместо того чтобы чувствовать себя расслабленной и беззаботной, я... Я выливаю остатки пива на землю. Паркер отступает на шаг, чтобы брызги не попали на него. – Я на самом деле не очень хорошо себя чувствую. Мне лучше вернуться домой.

Его улыбка угасает. Он потирает левое ухо. На языке Паркера это означает, что он недоволен.

– Ты же только пришла.

– Да, и уже ухожу.

Все больше людей оборачиваются в моем направлении и бросают любопытные взгляды. Мои шрамы пылают, словно на них направлен свет прожекторов. Я представляю себе, что они светятся, и все вокруг видит их издалека.

– Ты в порядке, или мне проводить тебя?

Я знаю, что поступаю жестоко, но ничего не могу поделать. Паркер пренебрег мной. Он избегал меня со дня аварии. А теперь думает, что может просто вернуться в мою жизнь под фанфары, а я буду бросать к его ногам конфетти?

– Подожди. – На короткий момент пальцы Паркера, ледяные от соприкосновения с банкой пива, останавливаются на внутренней стороне моего запястья.

Я отдергиваю руку и, неуклюже развернувшись, тороплюсь прочь, обходя куски бетона, лежащие в траве, и прокладывая себе путь через толпу, которая легко расступается передо мной. Слишком легко. Как будто я заразная.

Майк Дейси пытается развести костер в специально оборудованной для этого яме, обложенной кирпичом. Пока получается у него не очень. К небу поднимаются плотные клубы густого, плохо пахнущего дыма. Глупо. Копы всегда патрулируют лес, чтобы избежать возгораний. Девчонки пьются в сторону, руками разгоняя дым и весело смеясь. Одна из них (имени ее я не помню) больно наступает мне на ногу.

– Простииии, – произносит она, и от нее пахнет «Амаретто».

А потом Ариана с широкой и фальшивой улыбкой, как будто она продавец, который пытается обрызгать меня духами, спрашивает:

– Ты уже уходишь?

Я не останавливаюсь. А когда чувствую, что на мою руку ложится ладонь, резко оборачиваюсь и стряхиваю ее со словами:

– Что? Какого черта тебе еще надо?

Арон Ли быстро отступает на шаг.

– Прости. Я не хотел... прости.

Моя злость мгновенно сходит на нет. Я всегда немного жалела этого парня, хоть мы и не общались. Я знаю, что такое пытаться соответствовать Ник, пытаться угнаться за ней, все время оставаясь на шаг позади. Я живу так с самого момента своего рождения.

– Все нормально, – отвечаю я. – Просто я уже ухожу.

– Как дела? – спрашивает он, как будто не слышал меня.

Он нервничает, это видно. Держит руки по швам, словно ожидает, что я вот-вот отдам ему какой-то приказ. Рост Арона шесть и четыре. Он – самый высокий среди парней-китайцев в школе. На самом деле даже самый высокий из всех китайцев, которых я когда-либо встречала. И в эту самую секунду его рост *заметен*. Как будто он не знает, что делать со всеми этими дюймами своего тела. Прежде чем я могу ответить, он добавляет:

– Ты отлично выглядишь. То есть ты всегда отлично выглядела. Но учитывая...

И в этот момент кто-то кричит:

– Копы!

Одновременно вся толпа с криками бросается бежать, смеясь и скатываясь по холму, чтобы затем скрыться среди деревьев, в то время как по траве мечутся круги света. В ночи воеет сирена, надрываясь, словно цикады.

– Копы! Копы! Копы!

Кто-то врзается в меня и сбивает с ног. Хохочущая Хейли Брукс исчезает в лесу, а ее светлые волосы развеваются за спиной, словно знамя. Падая, я пытаюсь защитить запястье и всем весом приземляюсь на локоть. Один из копов, словно в полицейском сериале, скручивает согнувшегося в три погибели Майку Дэйси руки за спиной. Все орут, и копы кричат. Повсюду люди. Их силуэты ярко выделяются на фоне огня и света фонариков.

Внезапно прямо перед моими глазами появляется, ослепляя, большая луна.

– Ну вот, – говорит женщина-коп, – еще одна.

Я пытаюсь вывернуться, но она хватает меня за кофту сзади, роняя свой фонарик.

– Поймала.

Но она тяжело дышит, и я понимаю, что смогу убежать от нее, несмотря на все прошлые травмы ног.

– Прости, – говорю я наполовину ей, наполовину Ник, которая так любит это худи. Я рывком расстегиваю «молнию», одну за другой высвобождаю руки и, пользуясь тем, что коп с удивленным возгласом отшатывается назад, бегу, прихрамывая, с голыми руками в спасительную влажную темноту леса.

Запись в дневнике Дары, 11 февраля

Сегодня на Дебильном Естествознании (ой, подождите, на Современном Естествознании, нам же теперь нельзя использовать слово «дебильный») мисс Барнес все бубнила и бубнила про силы, которые заставляют нашу планету вращаться вокруг Солнца, а спутники – вокруг Сатурна, не давая им столкнуться и взорваться. И про все эти орбиты, проложенные, словно железнодорожные пути, в самом центре великой и огромной пустоты. Она сказала, это величайшее чудо, что каждый крохотный кусочек материи должен вращаться по своему маленькому кругу, ограниченному пределами его орбиты.

Не думаю, что это чудо. Мне кажется, это печально.

Это как в моей семье. Каждый из нас заперт в своем собственном кругу и все время вращается мимо остальных. Так что хочется кричать. Так что я мечтаю о столкновении.

На прошлой неделе Лизни сказал, что, по его мнению, наша семья не умеет справляться с конфликтами. Он сказал это с таким серьезным выражением на лице, как будто пытался

выдавить из себя какую-то мудрую истину. Неужели ему нужно было получить диплом психолога, чтобы говорить такую очевидную фигню?

Меня зовут доктор Личми...

Например: сегодня я застала в своей комнате Ник. Она сделала вид, что ищет голубой кашемировый свитер, тот, который раньше был мамин. Так я и поверила. Она же прекрасно знает, что я скорее рабицей обернусь, чем надену пастель. И знает, что я знаю, что она это знает и просто ищет себе оправдание. Поклясться могу, что это мама прислала ее шпионить за мной и копаться в моих вещах, чтобы разузнать, не вляпалась ли я в историю.

На случай, если это повторится: ПРИВЕТ, НИК! ВАЛИ КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ ИЗ МОЕЙ КОМНАТЫ И ПРЕКРАТИ ЧИТАТЬ МОЙ ДНЕВНИК!

И чтобы сэкономить твоё время: травка припрятана в горшке с цветком, а сигареты – в ящичке с нижним бельём. Ой, кстати, друг Арианы работает в «Батон-Руж», и он говорит, что знает кое-кого, кто достанет нам фен⁸ в эти выходные.

Только не рассказывай маме и папе, а то я расскажу им, что их маленький ангелочек вовсе не такой уж и святой. Я слышала, что вы с Ароном делали в бойлерной на балу в честь Дня Отцов-основателей. Бесстыжая девчонка. Вот для чего ты носишь в сумочке презервативы?

Все нормально, Н. Большие мальчики и девочки могут играть в эту игру.

С любовью,

твоя маленькая сестренка.

Ник, 21 июля

Сегодня только второй день моей работы в ФэнЛэнде, а я уже опаздываю. Я на кухне глотаю мамин кофе (который по вкусу подозрительно напоминает средство для очистки труб), когда раздаётся стук в дверь.

– Я открою! – кричу я, отчасти потому, что уже на пути к выходу, и отчасти из-за того, что мама все еще в ванной: каждое утро – крема, лосьоны и тонны макияжа помогают ей замаскировать морщины и скрыть круги под глазами.

Хватаю сумку с подоконника и бегу через прихожую, отметив про себя, что незнакомые резиновые сапоги все еще валяются там же, где я обнаружила их пять дней назад, посередине комнаты. Чувствую легкое раздражение. Мама всегда пилила нас за то, что мы не убираем за собой, а ее это, выходит, не касается? Я поднимаю их и бросаю в шкаф. От толстой подошвы отлетают увесистые куски грязи.

Я совсем не готова ко встрече с тем, кто стоит за дверью. Это женщина-полицейский. На секунду мою грудную клетку сдавливает, а время замедляется или даже поворачивает вспять, и я думаю: «Дара. Что-то случилось с Дарой».

Но затем я вспоминаю, что прошлым вечером Дара вернулась домой. Я слышала ее топот наверху, когда она изображала странный скандинавский танец, как будто нарочно пытаюсь досадить мне.

Женщина держит в руках мою любимую толстовку.

– Ты Николь Уоррен? – Она произносит мое имя, написанное на старом ярлычке из лагеря, пришитом к воротнику, словно какое-то грязное слово.

– Ник, – автоматически поправляю я.

– Что тут происходит?

⁸ Фен (фенамин) – наркотик (прим. ред.).

Мама, так и не успев завершить макияж, спускается по ступеням. Из-за тонального крема она кажется бледной, а брови и ресницы, и без того не слишком темные, вообще почти исчезли. Все ее лицо похоже на тусклую маску. Поверх брюк на ней банный халат.

– Не знаю, – отвечаю я.

Одновременно со мной женщина-коп произносит:

– Прошлой ночью на заброшенной стройке у реки Саскавачи была вечеринка. – Она поднимает толстовку чуть выше. – Там мы и сняли вот это с вашей дочери.

– Ник, – мама уже внизу и направляется к нам, ту же затягивая пояс халата, – это правда?

– Нет. В смысле, я не знаю. В смысле...

Я делаю глубокий вдох.

– Меня там не было.

Полицейский переводит глаза с меня на толстовку и обратно:

– Это твое?

– Это очевидно, – отвечаю я, начиная выходить из себя. Дара. Как всегда, эта чертова Дара. Несмотря на аварию, несмотря на все случившееся, она просто не может не влипать в истории. Это словно подпитывает ее изнутри, как будто она черпает энергию из хаоса. – На ней же мое имя. Но меня там не было. Я была дома прошлым вечером.

– Сомневаюсь, что толстовка пришла в «Пивнушку» сама, – говорит коп, самодовольно усмехаясь, словно удачно пошутила.

Меня раздражает, что она использует слово «Пивнушка». Это наше название, глупое прозвище, которое случайно прижилось. Неприятно осознавать, что она об этом знает. Как будто доктор лезет руками тебе в рот.

– Ну, тогда это загадка, – отвечаю я, выхватывая у нее из рук свою толстовку, – но вы же коп. Вы обязательно разберетесь.

– Ник, – теперь мамин голос звучит жестко, – прекрати.

Обе они пялятся на меня с одинаковым выражением недоумения на лицах. Не знаю, где взрослых этому учат. Может, это часть программы в колледже? Я едва сдерживаюсь, чтобы не выпалить им всю правду: как Дара спускается по решетке вместо лестницы, как она, видимо, стащила мою толстовку, а потом напилась и забыла ее там.

Но много лет назад, когда мы с Дарой были детьми, мы поклялись никогда не выдавать друг друга. Никакого официального соглашения, не было даже клятвы на мизинцах. Но было какое-то негласное понимание между нами, глубже, чем все, что можно произнести вслух.

Даже тогда, когда она начала влипать в неприятности, когда я стала находить у нее на подоконнике окурки и маленькие пакетики с непонятными таблетками, спрятанные под подставкой для карандашей на ее столе, я никому не сказала. Иногда это просто меня убивало. Я лежала без сна и прислушивалась к скрипу решетки за окном, приглушенным взрывам смеха и шуму двигателя, уносящегося в ночь. Но я не могла рассказать родителям, я чувствовала, что разрушу этим *нечто*, что невозможно будет восстановить.

Как будто, пока я храню ее секреты, она в безопасности. Она моя.

Поэтому я говорю:

– Ладно. Да, ладно. Я была там.

– Не могу в это поверить. – Мама делает пол-оборота. – Сначала Дара. Теперь ты. Я просто, на хрен, не могу в это поверить. Простите, – последние слова обращены к копу, которая даже не моргнула.

– Да это не так уж и серьезно, мам. – Как же глупо оправдываться за то, что ты даже не совершал. – Народ постоянно тусуется в «Пивнушке».

– Но это незаконное проникновение, – говорит коп. Она явно в восторге от себя в этот момент.

– Это очень серьезно, Ник. – Мамин голос становится все выше и выше. Когда она злится, кажется, что она не говорит, а свистит. – После того что случилось в марте, все очень серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.